

U 99
131

V 99
131

94
131

ШПИОНЪ.

ПЕРЕВОДЪ
Э. ТУССАТЪ.

99
121

Ш П І О Н Ъ

== ЗАПИСКИ ==

ГЕРМАНСКАГО ТАЙНАГО АГЕНТА

АРМГААРДА КАРЛА ГРАВЪ.

83 2/18 34 D

ПЕРЕВ. Е. РУССАТЪ.

Издание состоящаго подъ Высочай-
шимъ Его Императорскаго Ве-
личества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
покровительствомъ СКОБЕЛЕВ-
==СКАГО КОМИТЕТА.==

Петроградъ, Мытнинская у., № 27.

ТИПОГРАФІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.
ПЕТРОГРАДЪ, СУВОРОВСКІЙ ПР., 32-Б.

2011097748

Въ июнь 1914 года вышли въ свѣтъ записки германскаго тайнаго агента, Карла Грава, арестованнаго въ 1912 году въ Эдинбургъ за шпіонажъ и присужденнаго къ полутора годамъ тюремнаго заключенія.

Свои тюремные досуги осужденный заполнялъ составленіемъ мемуаровъ, представляющихъ въ данное время исключительный интересъ. Въ нихъ, какъ въ зеркаль, отражается психологія современнаго германца, съ цинизмомъ, доходящимъ „до граціи“, рассказывающаго о подвигахъ безчестія.

Е. Р.

I.

„По рожденію и по воспитанію я принадлежалъ къ лучшему германскому кругу, но къ сожалѣнію, несчастье преслѣдовало нашу семью. Мы лишились средствъ, лишились положенія въ обществѣ... Все это такъ повліяло на меня, что я, уже въ юношескомъ возрастѣ, сталъ болѣзненно-нервнымъ, раздражительнымъ, рѣзкимъ человѣкомъ и создалъ себѣ множество враговъ.

Мои родители рѣшили меня отправить за границу, полагая, что за время моего отсутствія забудутся всѣ, надѣланныя мною, непріятности.

Я окончилъ двадцати двухъ лѣтъ университетъ и получилъ дипломы по наукамъ философіи и медицины.

По пути въ Англію я узналъ о разгорающемся англо-бурскомъ конфликтѣ и, когда началась война, предложилъ англичанамъ свои услуги въ качествѣ врача-добровольца. Меня прикомандировали къ отряду волонтеровъ и отправили на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ рядахъ буровъ сражалось, какъ извѣстно, много иностранцевъ. Среди нихъ были и германскіе офицеры.

Одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ и доставленъ ко мнѣ въ лазаретъ.

Его звали баронъ фонъ-Рейценштейнъ.

Этому раненому я оказывалъ исключительное вниманіе, какъ моему земляку; мы скоро подружились съ нимъ, и я узналъ, что онъ состоитъ на службѣ у гер-

манскаго правительства въ качествѣ тайнаго политическаго агента.

Баронъ Рейценштейнъ находилъ у меня большія способности къ сыску убѣждалъ предложить свои услуги берлинскому бюро шпіонажа.

Я доставлялъ барону не мало интересующихъ его свѣдѣній и справокъ.

Война съ бурами привлекла вниманіе Германіи къ англійской арміи, а я, въ качествѣ врача при этой арміи, безъ особаго труда могъ разузнавать различныя подробности о вооруженіи, о снаряженіи, объ организаціи войскъ, о развѣдочной службѣ и т. п.

Къ сожалѣнію, я не былъ достаточно остороженъ, производя эти разспросы, и позволилъ себѣ даже сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу англійскихъ военныхъ порядковъ.

Эта неосторожность имѣла дурныя послѣдствія.

Однажды меня позвалъ къ себѣ лордъ Китченеръ, и, едва я вошелъ въ его палатку, какъ онъ вымолвилъ ледянымъ тономъ:

— Докторъ, я даю вамъ двадцать четыре часа времени для того, чтобы покинуть лагерь.

Разумѣется, я не заставилъ его повторять это приказаніе.

Походная жизнь, нѣсколько утомила меня, и я, послѣ занятія Преторіи, вернулся на родину и поселился въ Берлинѣ.

Туда же прибылъ въ скоромъ времени и оправившійся отъ ранъ баронъ Рейценштейнъ.

Наши дружескія отношенія возобновились...

Баронъ Рейценштейнъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы втянуть меня въ кругъ своихъ знакомствъ и пристроить на службу „великаго германскаго шпіонажа“.

Во главѣ этого института стоялъ нѣкій капитанъ фонъ-Таппкенъ, который, подвергнувъ меня предварительно всестороннему изученію и искусно выпытавъ все, что могло быть полезнымъ и интереснымъ, пригласилъ въ свое бюро для официальныхъ переговоровъ.

Переговоры эти были не лишены своеобразнаго колорита.

Капитанъ фонъ-Таппкенъ, не теряя времени, заявилъ мнѣ:

— Вотъ что, докторъ: вы—любитель путешествій и всевозможныхъ приключеній, вы—знатокъ иностранныхъ языковъ, вы—человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе и умѣющій держать себя въ обществѣ, т. е. другими словами, вы—какъ разъ то, что намъ нужно. Угодно вамъ поступить къ намъ на службу?

Я отвѣтилъ уклончиво:

— Да, если съ этой службой не будетъ связано ничего безчестнаго.

Онъ усмѣхнулся, посмотрѣлъ на меня въ упоръ и отчеканилъ:

— Мы прибѣгаемъ къ тому же оружію, къ которому прибѣгаютъ и другіе, дѣйствующіе противъ насъ. Намъ нельзя быть разборчивыми въ средствахъ. Личная честь и личное безчестье, это—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чему мы служимъ. Это—вопросы ремесла, и намъ нѣтъ дѣла до нихъ... Намъ важны только результаты.

Я не могъ не признать, что все сказанное справедливо.

Подумавъ немного, я освѣдомился объ условіяхъ:

— Условія зависятъ отъ оказанныхъ вами услугъ. Въ началѣ вы будете получать жалованье, 4.000 марокъ въ годъ, и 10 марокъ суточныхъ. За каждое удачно выполненное порученіе вамъ будетъ даваться особое вознагражденіе. Въ то время, когда вы будете

находиться въ работѣ, суточные увеличиваются до 40 марокъ. Я долженъ еще предупредить васъ, что мы, т. е. наше правительство, не беретъ на себя никакой отвѣтственности за рискъ, которому вы будете подвергаться, и не будетъ выручать васъ изъ опасностей.

Я колебался:

Стать шпиономъ! Это шло въ разрѣзъ съ тѣми взглядами и принципами, которые господствовали въ родной мнѣ средѣ...

Капитанъ фонъ-Таппкенъ объяснилъ мое раздумье другими причинами:

— Вознагражденіе не должно казаться вамъ малымъ,—пояснилъ онъ.—Съ теченіемъ времени жалованье ваше будетъ увеличиваться, и можетъ дойти до очень крупной суммы. Все будетъ зависѣть отъ васъ.

Я принялъ рѣшеніе и протянулъ капитану руку.

— Я согласенъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Завтра утромъ вы можете приступить къ занятіямъ. Вамъ нужна техническая подготовка... Вы получите ее у насъ,—а пока...

Онъ позвонилъ, пригласилъ своего секретаря и отдалъ ему короткій приказъ.

Секретарь вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ чекомъ на триста марокъ, который капитанъ вручилъ мнѣ со словами:

— Это на предварительные расходы.

Я поблагодарилъ его и, пряча чекъ, замѣтилъ, улыбаясь:

— Какъ странно! Вѣдь мы съ вами совсѣмъ не знаемъ другъ друга... И вотъ, все-таки, вашъ выборъ останавливается на мнѣ.

Онъ отвѣтилъ спокойнымъ тономъ:

— Этотъ выборъ не случаенъ. Я дѣйствую по приказаніямъ свыше.

— По чѣмъ приказаніямъ?

Лицо фонъ-Таппкена мгновенно стало непроницаемымъ. Онъ сурово посмотрѣлъ на меня и проговорилъ медленно и вѣско:

— Молодой человѣкъ, выслушайте и разъ навсегда запомните правило: Никогда не спрашивать. Никогда не разговаривать. Думайте... Размышляйте... И вы узнаете скоро сами, что есть такіе законы, которымъ вы должны безпрекословно подчиняться...

Это былъ первый урокъ, полученный мною при вступленіи въ тайную германскую агентуру.

II.

Вернувшись домой отъ фонъ-Таппкена, я испытывалъ чувство полного удовольственія. Этого чувства, однако, не было бы, если бы въ то время я зналъ то, что я знаю теперь.

Не погоня за деньгами заставила меня избрать профессію шпіона, а желаніе во чтобы то ни стало приобрести въ Германіи такія связи, которыя помогли бы мнѣ занять прежнее положеніе въ обществѣ и по заслугамъ наказать людей, лишившихъ меня въ свое время этого положенія.

На слѣдующій день я снова отправился къ фонъ-Таппкену и былъ принятъ его секретаремъ. Его звали фонъ-Штаммеръ. Это былъ человѣкъ, обладавшій способностью вытянуть отъ своего собесѣдника все нужныя свѣдѣнія и ни единымъ словомъ не разоблачить при этомъ самого себя.

Фонъ-Штаммеръ считался ходячей энциклопедіей; онъ зналъ буквально все и былъ великолѣпнымъ инструкторомъ. Оставшись со мной наединѣ, онъ авторитетнымъ тономъ прочелъ мнѣ слѣдующую лекцію:

— Съ этого дня вы находитесь весь и цѣликомъ въ распоряженіи тайнаго агентства. Ежедневно вы должны сноситься съ нами по телефону и давать намъ знать, гдѣ вы находитесь. Вы должны свято соблюдать слѣдующія правила: абсолютное молчаніе о данныхъ вамъ порученіяхъ, никакихъ разговоровъ съ низшими агентами, общеніе исключительно съ шефами отдѣленій агентства, или съ лицами, которыя вамъ будутъ указаны; никакихъ записей, никакихъ документовъ, никакихъ обличительныхъ бумагъ, которыя могли бы найти при васъ. Вы не должны употреблять алкоголя; у васъ не должно быть любовницъ; вы будете извѣстны подъ опредѣленнымъ номеромъ, который мы вамъ укажемъ, и которымъ вы будете подписывать ваши донесенія...

Онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, давая все новыя и новыя инструкціи.

Я провелъ съ нимъ цѣлое утро и думалъ, что послѣ всѣхъ преподанныхъ мнѣ уроковъ, мнѣ сейчасъ же дадутъ какое-нибудь отвѣтственное порученіе.

На самомъ дѣлѣ, я долженъ былъ учиться пять мѣсяцевъ и лишь по прошествіи этого времени мнѣ стали поручать кое-какія мелкія дѣла.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ я проходилъ, подъ руководствомъ спеціалистовъ тайнаго агентства, курсъ наукъ; топографіи, тригонометріи, черченія и морскихъ сооружений.

Я долженъ былъ изучить модели миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, долженъ былъ усвоить типы крейсеровъ и броненосцевъ, долженъ былъ знать въ точности свойства подводныхъ минъ, которыми пользуются различныя государства. Позднѣе я долженъ былъ пройти спеціальный курсъ англійскаго судоходства и умѣть различать всѣ суда на разстояніи.

Лучше любого морского офицера я изучилъ систему сигнализации и прочелъ множество книгъ по техническимъ вопросамъ.

Ежедневно я занимался съ 10 часовъ до 12 часовъ дня и съ 2 часовъ до 6-ти.

Время отъ времени меня командировали для практическихъ работъ въ Киль и въ Вильгельмсгафенъ.

Свободные часы я проводилъ въ музеѣ главнаго германскаго штаба.

Я долженъ признаться, что во время моихъ занятій я не упускалъ случая отмѣчать и такія детали, въ которыя мои инструкторы отнюдь не были намѣрены посвящать меня и знаніе которыхъ я долженъ былъ тщательно скрывать отъ нихъ...

Кромѣ шпіонажа, практикуемаго каждой державой въ частности, существуетъ еще шпіонажъ международный.

Бюро эго находится въ Бельгii.

Къ услугамъ этого бюро можетъ прибѣгать каждый, кто въ состоянii заплатить за эти услуги.

Я помню случай, когда къ помощи международного бюро прибѣгли агенты Россii.

Русской полиціи нужно было накрыть группу террористовъ, основавшихъ небольшую колонію въ Швейцарii, въ Монтре.

Международное бюро поручило это дѣло своему агенту-женщинѣ, очень красивой и очень находчивой, извѣстной подъ именемъ Терезы Прево.

Въ помощь ей былъ данъ агентъ-мужчина, выдававшій себя за ея брата, Шарля Прево.

Террористы занимали нѣсколько домиковъ въ Монтре. Вождемъ ихъ былъ нѣкій Голуховскій, у котораго имѣлся сынъ, пылкій, увлекающійся, двадцатилѣтній юноша, съ типичной славянской душой, довѣрчивой и впечатлительной.

Вокругъ него прекрасная Тереза и начала плести свои сѣти.

Она выдавала себя за богатую женщину, получившую крупное наслѣдство изъ Канады.

Вмѣстѣ съ братомъ она жила въ фешенебельномъ отелѣ въ Монтре и вела открытый, свѣтскій образъ жизни.

Ей не стоило большого труда познакомиться съ молодымъ Голуховскимъ и увлечь его настолько, что безъ памяти влюбившійся въ нее юноша сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято.

Назначили день помолвки.

Тереза пожелала устроить парадный завтракъ и пригласить къ этому завтраку всѣхъ друзей своего жениха.

Всѣ эти друзья были, разумѣется, террористы, а такъ какъ Терезѣ было трудно запомнить ихъ имена и адреса, чтобы разослать приглашенія, то молодой Голуховскій далъ ей тщательно составленный имъ списокъ.

За завтракомъ Тереза заявила собравшимся гостямъ, что желала бы увѣковѣчить этотъ счастливый день и сняться въ группѣ со всѣми приглашенными. Предложеніе очаровательной хозяйки было встрѣчено, какъ это ни странно, робкими, нерѣшительными протестами, которые смолкли лишь тогда, когда Тереза обѣщала передать негативы въ распоряженіе Голуховскаго-отца.

Немедленно же былъ приглашенъ фотографъ. Террористы расположились живописной группой и снялись съ прекрасной Терезой во главѣ.

Едва фотографъ проявилъ клише, какъ Тереза забрала снимки и въ ту же ночь скрылась изъ Монтре, увезя съ собой своего „брата“ (за котораго она впоследствии вышла замужъ)... А два дня спустя имена

террористовъ, записанныя рукой молодого Голуховскаго, и фотографіи ихъ, были въ рукахъ начальника бюро международнаго шпіонажа.

Но возвратимся къ тайному германскому агентству, членомъ котораго я былъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ.

Агентство это подраздѣляется на три разряда: часть, вѣдающая политическими дѣлами, часть вѣдающая арміей и флотомъ, и часть, вѣдающая дѣлами „личными“.

Въ каждомъ разрядѣ есть свой шефъ, руководящій агентами обоего пола.

Разрядъ арміи и флота находится въ вѣдѣніи главнаго штаба въ Берлинѣ, разряды политическій и „личный“ — въ вѣдѣніи министра иностранныхъ дѣлъ и самого императора.

„Личное“ бюро помѣщается на Вильгельмштрассе.

Два первыхъ отдѣленія заняты только информаціями по части плановъ, вооруженій и различныхъ открытій въ военной и въ морской областяхъ.

Политическій департаментъ слѣдитъ за свиданіями государей, за встрѣчами министровъ и дипломатовъ. „Личный“ же департаментъ, подъ контролемъ канцлера, служитъ частнымъ цѣлямъ императора и является объектомъ мечтаній всѣхъ тайныхъ агентовъ.

Въ „личномъ“ департаментѣ служатъ представители знатныхъ родовъ и простолюдины, адвокаты и швейцары отелей, врачи, актеры, женщины общества и кокотки, — каждый изъ нихъ пускается въ дѣло по мѣрѣ того, какъ въ немъ является надобность.

III.

Я знаю прелестную балерину, славянскаго происхожденія, въ жизни которой я, по волѣ судьбы, сыгралъ однажды несовсѣмъ красивую роль.

Эта балерина, можетъ быть, не забыла одного „приключенія“, бывшаго съ нею въ Берлинѣ, въ „Ледяномъ дворцѣ“, въ канунъ Новаго года, когда она утратила было весьма цѣнную для нея золотую сумочку?..

Тайный „личный“ департаментъ въ Берлинѣ былъ тогда весьма заинтересованъ содержимымъ этой сумочки.

Дѣло въ томъ, что балерина сумѣла завязать романическія отношенія съ однимъ офицеромъ потсдамскаго гарнизона.

Романъ между германскимъ офицеромъ и женщиной-славянкой всегда заставляетъ немножко настораживаться тайныхъ агентовъ, которымъ на этотъ разъ стало доподлинно извѣстно, что влюбленный офицеръ сдѣлаетъ въ канунъ Новаго года цѣнный подарокъ дамѣ своего сердца: золотую сумочку, а въ сумочку будетъ вложено письмо... весьма компрометирующее офицера и весьма „полезное“ для хорошенькой балерины.

Въ канунъ Новаго года она, въ компаніи своихъ друзей, ужинала въ „Ледяномъ дворцѣ“.

Я занималъ сосѣдній съ нею столикъ и видѣлъ какъ, садясь, она положила золотую сумочку рядомъ со своимъ приборомъ.

Лакей, прислуживающій за ея столомъ, неосторожнымъ движеніемъ опрокинулъ стоявшій передъ ней бокалъ шампанскаго. Молодая женщина испуганно вскрикнула, и вскочила, торопясь спасти отъ пятенъ свое платье.

Лакей, разсыпаясь въ извиненіяхъ, принялся вытирать мокрый столъ и снимать скатерть.

Незамѣтнымъ жестомъ онъ накрылъ салфеткой золотую сумочку и унесъ ее вмѣстѣ со скатертью.

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, онъ появился снова и положилъ сумочку передъ балериной со словами:

— Я очень извиняюсь, но, спѣша исправить свою

неосторожность, я захватилъ нечаянно, вмѣстѣ со скатертью, вотъ эту вещь, которая, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ вамъ?..

Молодая женщина поблѣднѣла, схватила сумочку и заглянула внутрь ея.

Письмо изъ нея исчезло.

Я видѣлъ, какъ дрожь пробѣжала по лицу моей сосѣдки, глаза ея полузакрылись, но она мигомъ овладѣла собой и произнесла спокойнымъ тономъ:

— Вы ошиблись. Это не моя сумочка. Поищите владѣлицу ея.

Мысленно я апплодировалъ этой выдержкѣ и этому спокойствію, но онѣ не спасли молодую женщину отъ высылки изъ предѣловъ Германіи.

Нужно ли говорить, что „неловкій“ лакей, опрокинувшій бокаль съ шампанскимъ, былъ очень „ловкимъ“ тайнымъ агентомъ, заблаговременно предупрежденномъ мной и инспирированнымъ.

Къ членамъ бюро шпионажа предъявляются вообще довольно высокія требованія.

Я не говорю о низшихъ служащихъ. Они должны быть только исполнительными и слѣпо повинующимися волѣ начальника, но отъ высшихъ агентовъ требуется еще: интеллигентность, широкія техническія познанія, умъ, ловкость, предприимчивость, сила и смѣлость.

Женщины-агенты должны быть красивы, тактичны, элегантны, должны обладать хорошими манерами и женскимъ очарованіемъ.

Бюро не стѣсняетъ своихъ агентовъ въ средствахъ.

Я говорю это по опыту. Исполняя одно порученіе, я истратилъ въ два дня двадцать тысячъ марокъ. Мнѣ выдали ихъ безпрекословно.

Вскорѣ послѣ моего дебюта мнѣ назначили жалованіе въ 10 тысячъ марокъ въ годъ и я получалъ 20 ма-

рокъ суточныхъ. Гонораръ этотъ утраивался, когда я получалъ „командировку“.

Если профессія шпиона связана съ большимъ рискомъ, то этотъ рискъ отчасти компенсируется.

Вообще же эта профессія годна лишь для людей, любящихъ авантюры, любящихъ искушать судьбу, сильныхъ и тѣломъ и духомъ не колеблющихся, не склонныхъ къ самобичеванію и къ самоанализу.

Людямъ съ чуткой совѣстью и съ деликатной душой братья за эту профессію нельзя.

Жизнь, полная вѣчной борьбы съ врагами, не уступающими вамъ по интеллигентности и по ловкости, жизнь, швыряющая васъ, какъ щепку изъ края въ край, не дающая вамъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ,—вѣчно держащая васъ надъ бездною,—эта жизнь подъ силу лишь очень немногимъ.

Тотъ, кто выбираетъ себѣ профессію шпиона, не долженъ забывать, что онъ подвергаетъ себя двойной опасности, что бываютъ случаи, когда члены тайнаго агентства внезапно исчезаютъ съ лица земли и въ этомъ исчезновеніи вовсе не повинны агенты враждебной имъ державы.

Я помню одинъ такой случай.

Въ Мемелѣ, на русской границѣ, покончила самоубійствомъ нѣкая Ольга Брудеръ. Она была германской шпионкой, которой было поручено добыть планы одной русской крѣпости.

Въ Берлинѣ былъ полученъ на Ольгу Брудеръ доносъ: она увлеклась какимъ-то русскимъ офицеромъ. Увлеклась настолько, что забыла о своей миссіи. Явилось даже опасеніе, что она выдастъ себя своему возлюбленному и откроетъ ему всѣ карты.

Доносъ былъ провѣренъ и подтвержденъ.

Пока Ольга Брудеръ не успѣла стать предательни-

пей, ей было предложено покончить съ собой при помощи вѣрнѣйшаго яда.

Бывали также случаи, когда шефы тайныхъ агентствъ избавлялись такимъ путемъ отъ не въ мѣру любознательныхъ агентовъ, узнавшихъ слишкомъ много секретовъ...

Первымъ отвѣтственнымъ порученіемъ, даннымъ мнѣ, была командировка въ Сингапуръ.

Тамъ я долженъ былъ собрать свѣдѣнія о постройкѣ англичанами доковъ и укрѣпленій въ Индо-Китаѣ.

Горизондъ Дальняго Востока былъ въ это время покрытъ грозowymi тучами.

Надвигалась война.

На пароходѣ „Баварія“ я имѣлъ возможность наблюдать постепенное обостреніе отношеній между русскими и японскими пассажирами.

Въ Портъ-Саидѣ пароходъ нашъ принялъ множество русскихъ офицеровъ, направлявшихся въ Портъ-Артуръ, въ Дальній и во Владивостокъ.

Я не упускалъ случая знакомиться и разговаривать съ моими случайными спутниками.

Отъ русскихъ, довѣрчивыхъ, откровенныхъ, любящихъ выпить и становившихся тогда болтливыми, мнѣ было нетрудно выманить интересовавшія меня признанія, японцы же, замкнутые, сдержанные, осторожные, хранили загадочное молчаніе и отдѣлывались вѣжливыми улыбками и ничего не значащими фразами.

Въ Сингапурѣ я выдавалъ себя за туриста, любителя ботаники и страстнаго охотника.

Мнѣ удалось сблизиться съ кружкомъ офицеровъ-англичанъ и добыть отъ нихъ кое-какія нужныя мнѣ свѣдѣнія.

Вскорѣ я получилъ приказаніе отправиться въ Коломбо, но едва прибылъ туда, какъ телеграммой отъ фонъ-Тапкена былъ вызванъ въ Портъ-Артуръ.

IV.

Назначеніе въ Портъ-Артуръ удивило меня. Я еще не зналъ тогда, что война между Россіей и Японіей можетъ затрагивать въ какой-нибудь мѣрѣ интересы Германіи.

Жизнь въ Портъ-Артурѣ не представлялась мнѣ особенно заманчивой, но критиковать распоряженія свыше я не имѣлъ права...

Я выбралъ себѣ псевдонимъ Франца фонъ-Канницъ, назвалъ докторомъ медицины, путешествующимъ съ цѣлью занятія ботаникой и зоологіей, и, взявъ номеръ въ „Европейской гостиницѣ“, принялся выжидать дальнѣйшихъ инструкцій.

Среди русскихъ, встрѣченныхъ мною въ Портъ-Артурѣ, я считаю самымъ интереснымъ лицомъ, знаменитаго художника-баталиста Вережагина. Я горжусь тѣмъ, что онъ называлъ меня своимъ другомъ.

Мои медицинскія познанія дали мнѣ, однажды, возможность оказать ему помощь во время приступовъ маляріи, которой онъ страдалъ.

Отсюда началась наша близость, и узы нашей дружбы были скрѣплены впослѣдствіи взаимными литературно-художественными интересами.

Помню одинъ вечеръ, проведенный нами на верандѣ въ Казино. Была одна изъ тѣхъ тропическихъ, душныхъ и тихихъ ночей, которыя довольно часты въ этой мѣстности.

Портъ-Артурскій рейдъ, залитый луннымъ свѣтомъ, былъ сказочно красивъ. Силуэты мирно дремавшихъ гигантскихъ крейсеровъ казались морскими чудищами, вынырнувшими изъ глубины океана.

Мы курили сигары и мирно бесѣдовали, избравъ въ тотъ вечеръ нашей темой набѣги варваровъ, гунновъ, готовъ и вандаловъ.

Послѣ полуночи я, почувствовавъ легкую усталость,

хотѣлъ отправиться на покой, но Верещагинъ удержалъ меня.

— Побудьте со мной, милый докторъ. Я очень нервно настроенъ сегодня. Мнѣ кажется почему-то, что скоро эти горы огласятся грохотомъ пушекъ...—и онъ прибавилъ тихо:—мнѣ кажется еще, что здѣсь стережетъ меня смерть.

Нервность моего собесѣдника передалась и мнѣ, но я постарался овладѣть собой и шутливымъ тономъ сталъ говорить что-то о дурныхъ предчувствіяхъ, вызываемыхъ просто-на-просто лихорадкой и слишкомъ сильной дозой принятаго хинина.

Верещагинъ какъ то странно усмѣхнулся:

— Вы правы, докторъ,—проговорилъ онъ.

Прощаясь со мной, онъ подарилъ мнѣ эскизъ своей работы.

Этотъ подарокъ и воспоминаніе о знакомствѣ съ этимъ выдающимся человѣкомъ останутся навсегда священными для меня.

Мрачное предчувствіе, какъ извѣстно, не обмануло Верещагина.

Въ скоромъ времени, послѣ нашего послѣдняго разговора, онъ погибъ на броненосцѣ, которымъ командовалъ адмиралъ Макаровъ.

Я пробылъ въ Портъ-Артурѣ еще пять недѣль и ровно за семь дней до ночной атаки адмирала Того получилъ шифрованную телеграмму отъ моего правительства съ приказаніемъ немедленно выѣхать въ Германію.

Въ Берлинѣ были хорошо освѣдомлены о войнѣ...

Я понялъ тогда, зачѣмъ Германія старалась узнать детали портъ-артурскихъ укрѣпленій и зачѣмъ она поручала своимъ агентамъ въ точности вывѣдывать всѣ тѣ способы борьбы и защиты, которыми располагаетъ Россія на Дальнемъ Востокѣ.

Со временъ Наполеона единственной державой, власть которой Германія уважала, была Россія и только съ Россіей она стремилась сохранять добрососѣдскія отношенія.

Но едва узнавъ о назрѣвающемъ русско-японскомъ конфликтѣ, Германія принялась сводить на нѣтъ вліяніе Россіи во всѣхъ европейскихъ странахъ, лежащихъ къ югу отъ австрійской границы.

V.

Моя миссія на Дальнемъ Востокѣ была окончена, и въ мартѣ 1905 года я вернулся въ Берлинъ.

Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ мѣсяцевъ мнѣ поручали лишь небольшія и несложныя дѣла, но вотъ въ іюлѣ я получилъ приглашеніе пожаловать къ капитану фонъ-Таппкену и узнать отъ него, что „личный“ департаментъ на Вильгельмштрассе нуждается въ моихъ услугахъ, и что я перевожусь туда. Этотъ переводъ являлся въ то же время и большимъ повышеніемъ.

Секретарь фонъ-Таппкена, Штамммеръ, самъ проводилъ меня на Вильгельмштрассе и представилъ шефу „личнаго“ департамента, графу фонъ-Веделю.

Я очутился лицомъ къ лицу съ этимъ ближайшимъ совѣтникомъ императора, хранителемъ многихъ и многихъ придворныхъ тайнъ.

Графъ фонъ-Ведель, высокій, худощавый, съ типичной прусской выправкой, съ острымъ, проницательнымъ взглядомъ стальныхъ глазъ, сразу произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, который дѣйствительно въ состояніи быть правой рукой императора.

Пригласивъ меня сѣсть, онъ смѣрилъ меня пытливымъ взглядомъ и задалъ вопросъ:

— Сколько вамъ лѣтъ?

Такъ какъ я былъ еще очень молодъ, то этотъ

вопросъ всегда смущалъ меня, но нужно было отвѣчать правду.

— Двадцать пять, ваше превосходительство.

Графъ снова посмотрѣлъ на меня и пробормоталъ:

— Молодъ... Очень молодъ!

Онъ помедлилъ съ минуту, обдумалъ что-то и произнесъ рѣшительно:

— Но о васъ у меня имѣются лучшія рекомендаціи. Вы проявили рѣдкіе для вашего возраста осторожность, тактъ и большую скромность.

Я поклонился.

— Съ сегодняшняго дня,—продолжалъ онъ,—вы переходите на службу личнаго департамента. Я самъ дамъ вамъ необходимыя инструкціи, и свои донесенія вы будете присылать мнѣ. Ни подъ какимъ предлогомъ вы не должны вступать ни въ какія сношенія съ нашими чиновниками. Мой секретарь будетъ выдавать вамъ чеки, и разъ въ мѣсяць вы будете присылать намъ счетъ вашихъ расходовъ. Поняли?

Я снова поклонился.

— Черезъ сколько времени можете вы отправиться въ путь?

— Черезъ два часа.

— Отлично. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Вы командируетесь въ Константинополь. Ваша задача узнать тамъ имена тѣхъ агентовъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которые состоятъ на службѣ у иностранныхъ правительствъ. Вы должны вывѣдать національность этихъ лицъ и узнать имена любовницъ высокопоставленныхъ гражданскихъ и военныхъ особъ. Постарайтесь также выяснить степень вліянія этихъ женщинъ на ихъ покровителей. Соблюдайте, однако, большую осторожность и не навлекайте на себя подозрѣній. Вашимъ официальнымъ номеромъ будетъ 1734. Ваши частныя шифро-

важные донесения можете подписывать только цифрой 17, официальные же доклады подписывайте 34.

Онъ всталъ, пожалъ мнѣ на прощанье руку и распорядился о выдачѣ мнѣ необходимыхъ на первое время суммъ.

Назначенію на службу въ „личный“ департаментъ я долженъ былъ только радоваться. Это обѣщало въ будущемъ блестящую карьеру.

Для меня не было секретомъ, почему на Вильгельмштрассе такъ оцѣнили мою „скромность“ и мой „тактъ“!..

Дѣло въ томъ, что однажды я былъ посланъ въ Шпандау съ тѣмъ, чтобы провѣрить интимную жизнь одного молодого офицера, прикомандированнаго къ оружейному заводу.

Этотъ офицеръ обратилъ на себя вниманіе своими чрезмѣрными тратами и слишкомъ широкимъ образомъ жизни, не отвѣчающимъ его скромнымъ доходамъ. Это возбудило подозрѣніе, не добываетъ-ли офицеръ себѣ средства выдачей государственныхъ секретовъ.

Мнѣ поручено было провѣрить это подозрѣніе. Оно подтвердилось.

Офицеръ получалъ крупныя деньги отъ одной очень богатой дамы изъ высшаго круга.

Дама была настолько высокопоставленной особой, что я даже счелъ за лучшее не упоминать ея имени, а въ донесеніи къ фонъ-Таппкену просто объяснилъ, что офицеръ не повиненъ въ государственной измѣнѣ.

Истинное же положеніе вещей изложилъ въ секретномъ донесеніи, адресованномъ шефу „личнаго“ департамента.

На Вильгельмштрассе, оказывается, оцѣнили эту скромность и этотъ тактъ...

Приготовляясь въ путешествіе въ Константинополь, я рѣшилъ взять съ собой моего слугу, негра Кима, привезеннаго мною еще изъ Трансваала.

Кимъ бѣгло говорилъ по-арабски, т. е. на языкѣ, очень распространенномъ среди чернокожаго населенія Константинополя, и могъ добывать для меня чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія.

Я поѣхалъ въ Турцію въ качествѣ врача, *hakim*, желающаго изучить болѣзни, господствующія на востокѣ.

Меня снабдили рекомендательными письмами къ директору и руководителю военнаго госпиталя въ Константинополѣ. Въ письмахъ этихъ представитель берлинскаго союза врачей просилъ оказывать мнѣ содѣйствіе въ моихъ научно-медицинскихъ трудахъ.

Въ Константинополѣ я снялъ небольшую квартиру на улицѣ Османли и дѣйствительно прилежно принимался посѣщать госпиталь и лазаретъ.

Мнѣ нужно было, чтобы не возникало никакихъ сомнѣній въ моей медицинской профессіи.

Кимъ, заводившій, по моему указанію, знакомства со слугами интересовавшихъ меня домовъ, оказывалъ мнѣ неоцѣнимыя услуги.

Я уже намѣтилъ тѣхъ лицъ, которые требовали усиленнаго вниманія къ себѣ.

Первое мѣсто среди нихъ занималъ нѣкій Абдулла, ближайшій другъ и совѣтникъ великаго визиря, — челоуѣка, постоянно составлявшаго оппозицію германскому правительству.

Мнѣ было ясно, что здѣсь дѣло не обходится безъ интриги какой-то иностранной державы.

Черезъ Кима я узналъ, что къ Абдулла очень близка одна женщина-иностранка, нѣкая m-lle Б., часто посѣщающая его и имѣющая на него большое вліяніе. Я зналъ, что многіе представители высшаго турецкаго общества, въ особенности турецкіе офицеры, ведутъ

образъ жизни, не отвѣчающій ихъ средствамъ, и что они весьма склонны къ увлеченію картами.

Въ карты они проигрываютъ крупныя деньги, запутываются въ долгахъ, попадаютъ въ руки кредиторовъ и, въ концѣ-концовъ, чтобы найти выходъ изъ положенія, или пускаютъ себѣ пулю въ лобъ или... добываютъ деньги путемъ предательства и измѣны, продавая государственныя тайны.

Искусительницами, толкающими ихъ на этотъ путь, чаще всего являются женщины,—секретныя агенты иностранныхъ державъ.

Возможно, что м-лле Б. играетъ при Абдулла именно такую роль.

Это обстоятельство я поставилъ себѣ цѣлью выяснить.

VI.

Я уже упоминалъ, что время моей командировки въ Константинополь совпало какъ разъ съ тѣмъ періодомъ, когда Германіи нужно было, во что бы то ни стало, парализовать въ Турціи всѣ враждебныя вліянія и не допустить преобладающаго вліянія другой державы на турецкое правительство.

Роль же м-лле Б. была именно направлена къ тому, чтобы содѣйствовать такому доминированію.

Сблизиться съ подругой Абдулла сразу же показалось мнѣ дѣломъ невозможнымъ. Это была не такая женщина, которую можно было бы поймать на удочку. Но зато среди ея приближенныхъ должны были найтись болѣе довѣрчивые и простодушные люди, которые являлись послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ, а слѣдовательно—могли явиться такимъ же орудіемъ и въ моихъ рукахъ.

Я началъ искать и остановилъ свой выборъ на

пріятельницѣ m-lle Б., кафешантанной танцовщицѣ, Сесили.

Разумѣется, танцы въ кафешантанѣ, популярномъ константинопольскомъ „Folies-Arabes“, были только „прикрытіемъ“. На самомъ дѣлѣ, на Сесиль возлагались иныя обязанности, и мнѣ предстояло узнать въ точности, какія именно. Я сталъ постояннымъ посѣтителемъ „Folies-Arabes“, но на всѣ кокетливыя заигрыванья хорошенькой танцовщицы отвѣчалъ подчеркнутой, равнодушной вѣжливостью, и только.

Я зналъ, что на такихъ женщинъ этотъ пріемъ производитъ наибольшее впечатлѣніе. Мои расчеты оправдались.

Однажды вечеромъ Сесиль рѣшила сама завязать со мной знакомство: подойдя къ моему столику, она произнесла нѣсколько французскихъ словъ.

Я недоумѣвающе пожалъ плечами.

Она повторила фразу по-нѣмецки.

Я снова отвѣтилъ недоумѣвающей улыбкой.

Тогда она заговорила по-англійски, и разговоръ между нами быстро завязался.

Съ этого вечера мы стали друзьями на зависть всѣмъ прочимъ поклонникамъ Сесиль.

Однажды Сесиль, вся въ слезахъ, призналась мнѣ, что она поссорилась со своей пріятельницей, m-lle Б., но причину этой ссоры она скрыла. Я считалъ, что было бы неосторожностью съ моей стороны допытываться; чутье подсказывало мнѣ, что ссора произошла изъ-за меня, и что m-lle Б., какъ проницательная и опытная особа, уже насторожилась.

Въ тотъ вечеръ я увезъ Сесиль кататься по городу въ открытой каляскѣ. Прогулка такъ понравилась ей, что мы стали повторять ее въ послѣдующіе дни, и

обратили на себя завистливое вниманіе поклонниковъ хорошенькой танцовщицы изъ „Folies-Arabes“.

Сесиль была скомпрометирована,—чего я и добивался.

Когда я въ теченіе нѣсколькихъ дней нарочно не показывался въ кафешантанѣ, моя пріятельница, испугавшись внезапной разлуки и моего возможнаго охлажденія, поспѣшила прислать мнѣ письмо, въ которомъ,—впервые за все время,—приглашала пріѣхать къ ней на домъ.

Я засталъ ее окруженной сундуками и чемоданами.

— Мнѣ придется уѣхать... ненадолго,—объяснила она,—и вдругъ въ приливѣ нѣжности, попросила:— Поѣдьте со мной... Я такъ тосковала безъ васъ эти дни.

Я сдѣлалъ грустное лицо и отвѣтилъ, что мои работы въ госпиталѣ отнимаютъ у меня все свободное время.

Она пропустила эту реплику мимо ушей и продолжала настаивать:

— Я прошу васъ, поѣдьте со мной. Бросьте ваши работы, вашъ госпиталь... Зачѣмъ это вамъ?

— Затѣмъ, что это даетъ мнѣ средства къ существованію, а я человѣкъ необезпеченный.

Она задумалась и вдругъ рѣшилась на что-то.

— Францъ,—она знала меня подъ этимъ именемъ,— вы сами не сознаете, какое блестящее будущее могло бы васъ ожидать. Съ вашимъ знаніемъ свѣта, съ вашей опытностью и вашимъ образованіемъ вы могли бы оказывать неоцѣнимыя услуги нѣкоторымъ лицамъ, которыя обогатили бы васъ за это.

Я понялъ, что рыбка клюнула, но счелъ за лучшее притвориться непонимающимъ. Сесиль начала было запутанно и сбивчиво объяснять мнѣ что то, но, пре-

рвавъ объясненія на полусловѣ, задала прямой вопросъ: хочу ли я поступить на службу въ качествѣ тайнаго агента той державы, которой служить и она.

Съ самымъ серьезнымъ видомъ я попросилъ ее разсказать мнѣ, что это за служба.

Сесиль оживилась, принесла мнѣ пачку писемъ и съ гордостью знатока начала давать мнѣ объясненія.

Я просматривалъ письма, запоминалъ подписи, отмѣчалъ указанные адреса и узналъ всѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находились нити сложной интриги, порученной мнѣ для раскрытія.

Рядъ вопросовъ, бѣгло заданныхъ Сесили, и полученные на нихъ отвѣты окончательно выяснили всю картину.

Я узналъ то, что мнѣ надо было узнать. Разумѣется, я сдѣлалъ видъ, что проектъ моей пріятельницы привелъ меня въ восхищеніе, и что я не премину предложитъ свои услуги тому бюро, представительницей котораго является она.

Мы условились, что черезъ нѣсколько дней я приѣду слѣдомъ за Севиль въ тотъ городъ, куда командировать ее, и тамъ мы выработаемъ дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Сесиль уѣхала.

Я взялъ на себя заботу о письмахъ, которыя будутъ приходить въ ея отсутствіи. Эти письма пополнили тѣ пробѣлы, которые у меня еще оставались, и всѣ эти письма были добросовѣстно пересланы мною... въ Берлинъ.

Для Сесиль я былъ, конечно, безвозвратно потерянъ.

Ея правительство не простило ей сдѣланнаго промаха, и хорошенькая танцовщица жестоко поплатилась за него.

Я встрѣтилъ Сесиль черезъ нѣсколько лѣтъ въ

Антверпенѣ, въ одномъ низкопробномъ кабачкѣ. Бѣд-
няжка совсѣмъ опустилась и имѣла весьма жалкій
видъ.

Я послалъ ей 500 франковъ „отъ неизвѣстнаго“, и
этотъ щедрый даръ успокоилъ мою совѣсть, немножко
страдавшую за то несчастье, которое я принесъ этой
женщинѣ.

.....

Мое исключительное вниманіе привлекалъ къ себѣ
Энверъ-бей. Я видѣлъ, что великій визирь считаетъ
этого человѣка опаснымъ и что его нарочно стараются
держатъ подальше отъ Константинополя, давъ ему
почетный постъ въ Македоніи.

Это не мѣшало, однако, Энверъ-бею пользоваться
большой популярностью среди молодыхъ офицеровъ.
Мнѣ было извѣстно также, что великій визирь, под-
купленный враждебными намъ державами, ведетъ игру,
идушую въ разрѣзъ съ интересами Германіи.

Мои донесенія, одновременно съ донесеніями фонъ-
деръ-Гольца, германскаго военнаго инструктора въ
Турціи, произвели должное впечатлѣніе на наше пра-
вительство, которое старалось заключить союзъ съ
Турціей, въ цѣляхъ защиты противъ Россіи.

Но пока у власти былъ Каприви, дружественныя
сношенія Германіи съ Турціей не налаживались.

Тогда въ дѣло вмѣшался самъ императоръ Виль-
гельмъ. Со свойственной ему театральной манерой онъ
совершилъ свое знаменитое путешествіе по Палестинѣ
и сдѣлалъ визитъ султану, очаровавъ его такъ, какъ
только можетъ очаровывать императоръ.

Съ точки зрѣнія дипломатіи, этотъ визитъ былъ
великолѣпнымъ шахматнымъ ходомъ. До сихъ поръ
покровительницей магометанъ считалась Франція,

послѣ же посѣщенія Вильгельмомъ Турціи, это званіе перешло къ Германіи.

Отношенія между Блистательной Портой и Берлиномъ не оставляли желать ничего лучшаго. Въ Константинополь было прислано множество прусскихъ офицеровъ, въ качествѣ военныхъ инструкторовъ. Германская техника, германская промышленность, германскій духъ стали быстро насаждаться въ Стамбулѣ.

Съ помощью германскаго вліянія младотуркамъ удалось произвести переворотъ. Въ Турціи вспыхнула революція. Энверъ-паша сталъ у власти...

Германія обезпечила себѣ господство надъ мусульманами.

VII.

Въ теченіе короткаго времени мнѣ пришлось выполнить нѣсколько сложныхъ и отвѣтственныхъ порученій, и я нуждался въ хотя бы короткомъ отдыхѣ.

Кромѣ того, меня начала беспокоить старая рана, полученная въ англо-бургскую войну.

Профессоръ Байеръ, медицинское свѣтило Берлина, рекомендовалъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, мѣсяць полного покоя. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ совѣтомъ и отправился гостить въ имѣніе одного изъ своихъ друзей, жившаго въ 58 километрахъ отъ Берлина.

Но, едва пробывъ тамъ три недѣли, я получилъ слѣдующее письмо:

— Мой дорогой Гравъ, надѣюсь, что ваше здоровье возстановилось и что вы можете взять на себя новую миссію. Имѣйте въ виду, что миссія не официальная, но, если она удастся, ваши труды не пропадутъ даромъ.

Дѣло въ слѣдующемъ: великій герцогъ М-скій обратился къ намъ съ просьбой помочь ему въ очень ще-

котликомъ вопросѣ. Оказаніе такой помощи не входитъ въ наши прямыя обязанности, но мы считаемъ иногда нужнымъ не отказывать въ такихъ услугахъ.

Мѣстомъ дѣйствія будетъ Англія... Вотъ отчасти та причина, почему мой выборъ остановился на васъ. Вы знакомы съ этой страной и съ ея народомъ.

Если вы согласны взяться за это порученіе, я хлопочу вамъ необходимый отпускъ. Повторяю,—это не обязанность ваша, а просто любезность, оказать которую, однако, я вамъ убѣдительно совѣтую.

Вашъ ф.-Ведель.

Три недѣли, проведенныхъ мною на свѣжемъ воздухѣ, дѣйствительно, укрѣпили мои силы настолько, что я самъ началъ жаждалъ привычной дѣятельности и личной жизни.

Между строкъ письма фонъ-Веделя я могъ прочесть, что дѣло, предлагаемое мнѣ, очень выгодно.

Правда, я предпочелъ бы даже болѣе сложное и болѣе опасное порученіе, лишь бы оно исходило не отъ частнаго лица и лишь бы не приходилось вмѣшиваться въ интриги королевскаго дома. Я зналъ, что всѣ эти владѣтельные герцоги платятъ, обыкновенно, за оказываемыя имъ услуги, черной неблагодарностью; но на этотъ разъ порукой мнѣ являлся фонъ-Ведель, который не сталъ бы вовлекать меня въ невыгодное предпріятіе. По нѣкоторымъ причинамъ я не хочу полностью называть имя великаго герцога... Скажу только, что это былъ владѣтель одного изъ герцогствъ центральной Европы.

Въ день, указанный мнѣ фонъ-Веделемъ, я отправился къ мѣсту назначенія. Въ придворной каретѣ меня доставили во дворецъ.

Нѣсколько минутъ мнѣ пришлось подождать въ

одной изъ пріемныхъ залъ; затѣмъ меня пригласили войти въ сосѣдную комнату.

Одновременно со мной въ другія двери вошелъ высокій господинъ, преклонныхъ лѣтъ, одѣтый въ охотничій костюмъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и вымолвилъ, точно про себя:

— Молодъ... Очень молодъ... Впрочемъ, Ведель долженъ знать...

Онъ опустилъ сѣдую голову и добавилъ, вздыхая:

— Какое время! Боже мой, какое странное время!.

И вдругъ, точно спохватившись, что его поведение нѣсколько необычайно, онъ указалъ мнѣ на кресло, предлагая сѣсть, помѣстился самъ напротивъ меня и задалъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ, свѣтскихъ вопросовъ.

Затѣмъ, какъ то сразу перешелъ къ дѣлу.

— Вы считаете возможнымъ взяться за мое порученіе?

Я отвѣтилъ, что не знаю еще, въ чемъ состоитъ это порученіе и что прошу разрѣшенія отказаться отъ него, если оно покажется мнѣ невыполнимымъ.

Онъ благосклонно посмотрѣлъ на меня.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Въ моей семьѣ произошелъ очень досадный случай. Мой племянникъ, молодой герцогъ, увлекся одной дамой... англичанкой... Онъ хочетъ вступить съ ней въ бракъ. Къ сожалѣнію, эта дама занимаетъ слишкомъ высокое положеніе въ обществѣ, чтобы съ ней можно было поступить рѣзко и круто, или чтобы можно было попросту игнорировать ее. Но въ то же время социальное положеніе ея, все-таки, не таково, чтобы она считалась равной намъ... чтобы могла стать членомъ нашей семьи...

Онъ помолчалъ съ минуту, въ его глазахъ зажегся злобный огонекъ...

— Эта дама грозитъ устроить скандалъ, если я буду упорствовать въ моемъ отказѣ благословить ихъ бракъ. Къ сожалѣнію, у нея въ рукахъ имѣются письма и нѣкоторые документы... компрометирующіе... моего племянника. Эти документы и письма я долженъ,— вы понимаете,—*долженъ* получить отъ нея. Я ужъ дѣлалъ попытки повліять и на даму, и на моего племянника, но онѣ не имѣли успѣха... И вотъ, я прибѣгаю къ вашей помощи. Само собой разумѣется, я предоставлю вамъ всѣ необходимыя средства... Вы будете располагать тѣми суммами, какія потребуете... Если вы считаете эту задачу выполнимой, то...

Я отвѣтилъ уклончиво:

— Надѣюсь, что ваше высочество разрѣшите мнѣ не давать никакихъ обѣщаній, не обдумавъ предварительно вопроса?

Онъ кивнулъ головой.

— Я предоставляю все на ваше усмотрѣіе. Въ случаѣ надобности, вы можете телеграфировать моему камергеру, а пока я пришлю вамъ своего секретаря.

Проходя мимо меня, онъ пріостановился и положилъ мнѣ руку на плечо.

— Помогите намъ ликвидировать эту исторію... Увѣряю васъ, вы не будете жалѣть объ этомъ.

Онъ вышелъ.

Меня пригласили въ маленькую столовую, гдѣ былъ сервированъ завтракъ.

Затѣмъ, секретарь герцога вручилъ мнѣ конвертъ отъ имени его высочества, со вложеніемъ 1.000 марокъ и съ чекомъ на 500 фунтовъ стерлинговъ.

Въ ту же ночь я выѣхалъ въ Лондонъ.

По дорогѣ я обдумалъ планъ дѣйствій. Въ Англіи богатый, независимый, свѣтски воспитанный человѣкъ всегда сможетъ проникнуть въ высшее общество... Иногда доступъ въ это общество можетъ открыть...

эксцентричность, если только она умѣло и тактично пущена въ ходъ. На этой то эксцентричности я и рѣшилъ играть.

Въ Лондонѣ я поселился въ аристократическомъ кварталѣ и сталъ исподволь наводить справки объ интересующей меня дамѣ.

Я узналъ, что каждое утро она катается верхомъ въ Гайдъ-Паркъ, и нѣсколько разъ видѣлъ ее среди группы элегантныхъ всадниковъ.

Самъ я—очень недурной наѣздникъ; это давало мнѣ смѣлость рассчитывать, что дама, рано или поздно, замѣтитъ и отличить меня.

Кромѣ того, въ тотъ сезонъ въ Лондонѣ вошло въ моду ежедневно собираться въ большомъ залѣ Savoy Hotel, гдѣ подавали землянику со сливками,—десертъ, также введенный тогда въ моду фешенебельнымъ обществомъ.

Я устроилъ такъ, что мнѣ отвели въ Savoy Hotel столикъ, находившійся по сосѣдству со столикомъ дамы, порученной моимъ наблюденіямъ.

Она являлась всегда въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ друзей.

Я приходилъ уже послѣ того, какъ она и ея спутники занимали мѣста.

Земляника подавалась на столики въ золотыхъ вазочкахъ... Обычно, каждый столикъ удовлетворялся одной такой вазочкой, я же заказывалъ себѣ пять.

Такая любовь къ земляникѣ и такой аппетитъ обратили на меня вскорѣ вниманіе моихъ ближайшихъ сосѣдей. Я уловилъ нѣсколько любопытныхъ взглядовъ и мимолетныхъ улыбокъ, брошенныхъ въ мою сторону интересовавшей меня особой.

Это удовлетворило меня.

Вскорѣ я узналъ отъ метръ д'отеля, что дама

спрашивала у одного изъ своихъ спутниковъ, кто я и откуда?

Во время этихъ „подготовительныхъ“ работъ, я неоднократно телеграфировалъ камергеру великаго герцога, прося его ни подъ какимъ видомъ не допускать поѣздки молодого герцога въ Лондонъ и перехватывать его письма, адресованныя дамѣ.

Въ самомъ разгарѣ сезона, я, завязавшій дружескія отношенія со многими аристократами - спортсменами, получилъ приглашеніе въ домъ, гдѣ бывала „невѣста“ молодого герцога.

Меня представили ей.

Это была молодая женщина, не блещущая красотой, но очень изящная, элегантная, съ восхитительнымъ цвѣтомъ лица, дышащая здоровьемъ... Типичная англичанка-спортсменка, полная противоположность германскимъ женщинамъ.

Это то очевидно, и привлекло къ ней молодого герцога.

Протягивая мнѣ руку, она проговорила съ улыбкой:

— Очень рада познакомиться съ вами... Скажите, вы попрежнему любите землянику?

VIII.

Моя бесѣда съ новой знакомой приняла вскорѣ очень оживленный характеръ.

Дама,—для удобства я буду называть ее лэди Л.,—оказалась чрезвычайно общительной, разговорчивой и остроумной. Я оцѣнилъ вкусъ молодого герцога.

Съ этого дня я сталъ прилагать все усилія къ тому, чтобы встрѣчаться съ лэди Л. на вечерахъ, въ театрахъ, въ ресторанахъ... Исполдволь, осторожно и, позволю похвалить себя,—весьма искусно, я завоевывалъ ея довѣріе.

Въ кружкѣ ея знакомыхъ меня считали богатымъ туристомъ, вѣчнымъ странникомъ, занимающимся отъ скуки медициной и естественными науками.

Я не скрывалъ того, что знакомъ съ молодымъ герцогомъ (хоть этого и не было въ дѣйствительности), и старался въ присутствіи лэди Л. упоминать его имя, приплетая къ этому имени всевозможныя легенды, касающіяся романическихъ приключеній герцога.

Эти выдумки заставили молодую женщину боязливо настораживаться.

Въ Лондонѣ было извѣстно о романѣ лэди Л. съ герцогомъ, и пріѣзда его ждали со дня на день.

Въ одну изъ минутъ откровенности лэди Л. сказала мнѣ, что она познакомилась съ молодымъ герцогомъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ путешествовалъ инкогнито.

Несмотря на дружбу ко мнѣ лэди Л., мнѣ пришлось ждать мѣсяца два, пока я получилъ отъ нея приглашеніе пріѣхать на ея виллу въ Майфэръ.

Тамъ я приступилъ къ настоящей работѣ. Лэди Л. была страстной любительницей игры въ бриджъ и проигрывала весьма крупныя суммы.

Мнѣ удалось узнать отъ ея компаньонки, что она надѣлала, благодаря этой страсти къ бриджу, множество долговъ.

Ей не везло въ игрѣ.

Однажды она проиграла крупную сумму мнѣ и на слѣдующій день удвоила этотъ проигрышъ.

Лэди Л. имѣла привычку расплачиваться не деньгами, которыхъ у нея не было, а расписками, съ признаніемъ долга и съ обязательствомъ уплаты.

Такую расписку получилъ отъ нея и я.

Я нашелъ ростовщика, который скупилъ всѣ эти расписки и представилъ ихъ ко взысканію.

Вѣчными приставапіями къ ней, требованіями и угрозами, онъ доводилъ ее до нервныхъ припадковъ.

Бѣдняжка, затравленная и замученная имъ, обратилась, однажды, ко мнѣ за совѣтомъ, откровенно разсказавъ мнѣ положеніе своихъ дѣлъ.

Я внимательно выслушалъ и дружескимъ, сочувственнымъ тономъ, повелѣлъ рѣчь о томъ, что выпутаться безъ посторонней помощи ей будетъ очень трудно, и что эту помощь ей могъ бы оказать не кто иной, какъ великій герцогъ.

Осторожно, нащупывая почву, бросая бѣглые намеки, я далъ ей понять, что ея надежды на бракъ съ молодымъ герцогомъ неосуществимы, но что ихъ отношенія даютъ ей право рассчитывать на участіе великогерцогскаго дома. Мнѣ было очень трудно затронуть этотъ вопросъ, такъ какъ я зналъ, что лэди Л. страшно горда и самолюбива, и боялся, что при малѣйшемъ намекѣ на возможность шантажа съ ея стороны она вспыхнетъ отъ негодованія и прикажетъ мнѣ замолчать. Но лэди Л. была въ этотъ вечеръ слишкомъ нервна, разстроена и слишкомъ нуждалась въ дружескомъ сочувствіи.

Я осмѣлѣлъ и поставилъ вопросъ прямо.

— Нѣтъ ли у васъ средства заставить великогерцогскій домъ войти въ ваше положеніе и предложить вамъ свои услуги?

Послѣ нѣкотораго колебанія, она вдругъ встала, вышла изъ комнаты и вернулась обратно съ объемистымъ пакетомъ, заключавшимъ въ себѣ письма.

Эти письма были запечатаны именной печатью молодого герцога. (Непростительная глупость!).

Лэди Л. развернула пакетъ и произнесла съ негодованіемъ.

— Интересно, что сказалъ бы старый великій герцогъ,

если бы прочелъ вотъ это? Онъ увидѣлъ бы, что я могу заставить его племянника жениться на мнѣ!

Я понялъ, что насталъ психологическій моментъ. Молодая женщина находилась во власти охватившаго ее нервнаго возбужденія и была въ этотъ мигъ преисполнена довѣрія ко мнѣ.

Я подтвердилъ ей мое глубокое дружеское расположеніе къ ней, вскользь замѣтилъ, что я самъ принадлежу къ очень высокопоставленной семьѣ и живу въ Лондонѣ инкогнито, и что мнѣ, лично знакомому съ великимъ герцогомъ, не составило бы труда быть посредникомъ между нимъ и лэди Л.

— Я нахожу не корректнымъ поведеніе герцога по отношенію къ вамъ,—замѣтилъ я.—Правда, вы не можете рассчитывать даже на морганатическій бракъ съ нимъ, но на компенсацію вы имѣете право. Вы сами занимаете слишкомъ видное положеніе въ обществѣ, чтобы снисходить до личныхъ объясненій.. Позвольте же мнѣ вашему другу, сдѣлать это за васъ...

Она молчала, вертя въ рукахъ пачку съ письмами, и, наконецъ, воскликнула, краснѣя:

— Нѣтъ, это невозможно! Я никогда не рѣшусь на это.

Тогда я прибѣгнулъ къ другому приему. Я представилъ ей молодого герцога, какъ безпутнаго повѣсу, увлекающагося пустымъ, мимолетнымъ флиртомъ, несерьезнаго, непостояннаго...

— Вы видите сами, — говорилъ я, — что герцога, котораго вы ждете со дня на день, не только не приѣзжаетъ, но даже не пишетъ вамъ о причинахъ, удерживающихъ его въ Германіи (въ Германіи его удерживали по моимъ же настоятельнымъ требованіямъ). Онъ не отвѣчаетъ на ваши письма (письма герцога къ лэди Л. перехватывались), онъ третируетъ васъ, и его манера обращенія съ вами не заслуживаетъ снисхожденія.

Я затронулъ женское самолюбіе, заронилъ въ нее

искру ревности и вызвалъ жажду мести. Я зналъ, что англичанки могутъ быть самыми мстительными соперницами.

Она дала мнѣ разрѣшеніе дѣйствовать отъ ея имени.

Пріѣхавъ домой, я написалъ самому себѣ два письма, якобы отъ имени великаго герцога. Въ письмахъ выражалась готовность уплатить долги лэди Л. и предлагалось выдавать ей ежегодную ренту.

Изъ банка я получилъ по герцогскому чеку 15.000 фунтовъ стерлинговъ (375.000 франковъ) и черезъ четыре дня, пріѣхавъ къ лэди Л., вслухъ прочелъ ей полученныя мною письма, и предложилъ вручить ей деньги. Она спокойно выслушала меня, взяла конвертъ съ деньгами и передала мнѣ взамѣнъ этого пакетъ съ письмами...

Я знаю, что въ настоящее время лэди Л. прекрасно обеспечена. Она расплатилась съ долгами и получаетъ ежегодную ренту отъ великаго герцога.

Я очень радъ, что мнѣ удалось способствовать благополучію этой милой женщины.

Письма молодого герцога, переданныя мнѣ въ запечатанномъ пакетѣ (это обстоятельство немножко огорчило меня) я немедленно же отвезъ въ Германію и лично вручилъ великому герцогу.

Онъ вскрылъ пакетъ при мнѣ, пересчиталъ письма и со вздохомъ облегченія увидѣлъ среди нихъ какой то документъ. Мнѣ показалось, что это былъ брачный контрактъ.

По нѣкоторымъ даннымъ, я имѣлъ основаніе предполагать, что лэди Л. и молодой герцогъ были тайно обвѣчаны въ Цвейцаріи.

Его высочество щедро поблагодарилъ меня за удачно выполненную миссію. Кромѣ вознагражденія въ 5.000 марокъ я получилъ еще въ подарокъ булавку съ

великолѣпнымъ брилліантомъ и золотые часы съ цѣпочкой.

На крышкѣ часовъ, подъ великогерцогскимъ гербомъ было выгравировано:

„За особыя услуги, оказанныя моему дому“.

IX.

Послѣ одной, удачно выполненной миссіи въ Вѣнѣ, я вернулся въ Берлинъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней отдыхалъ въ своей уютной квартиркѣ. Но однажды вечеромъ меня снова экстренно вызвали на Вильгельмштрассе.

Фонъ-Веделъ встрѣтилъ меня словами:

— Докторъ, ночью вамъ придется выѣхать съ экспрессомъ въ Монте-Карло. Тамъ должны встрѣтиться три видныхъ дипломата Россіи, Франціи и Англіи. Вы должны узнать цѣль ихъ свиданія и тѣ вопросы, которые они будутъ обсуждать.

Я знаю, что эта задача довольно трудна, но ее облегчить вамъ одна дама, нѣкая графиня Чеканьи, которую мы дадимъ вамъ въ помощницы. Вы явитесь къ ней и передадите ей эту карточку.

Фонъ-Веделъ подалъ мнѣ свою визитную карточку съ собственноручной надписью на оборотной сторонѣ и выдалъ чекъ на 3.000 марокъ.

— Вамъ нужны, можетъ быть, еще какія-нибудь указанія?

Я попросилъ показать мнѣ фотографію графини Чеканьи.

Черезъ пять минутъ предо мной былъ ея фотографическій снимокъ.

По пути на Ривьеру я обдумывалъ, какъ мнѣ держать себя и какъ дѣйствовать.

Я рѣшилъ выдать себя за богатаго владѣльца рудниковъ въ Южной Африкѣ. Играть эту роль мнѣ было не трудно. Я долго жилъ въ Трансваалѣ и былъ настолько хорошо ознакомленъ съ вопросомъ о добываніи руды, что не попалъ бы впросакъ.

Гораздо труднѣе была другая часть моей задачи: какъ мнѣ сблизиться съ тремя государственными людьми, ввѣренными моему попеченію?

Англійскаго дипломата я не зналъ совершенно, французскаго видѣлъ нѣсколько разъ, что же касается русскаго,—я буду называть его князь Иванъ,—то мнѣ была извѣстна лишь его репутація жуира и большого поклонника женщинъ. Это послѣднее обстоятельство должна была, очевидно, использовать моя помощница, графиня Чеканьи, особа,—судя по карточкѣ,—очень красивая.

Оффициально считалось, что три дипломата прибыли на Ривьеру исключительно въ цѣляхъ возстановленія разстроеннаго здоровья, но, какъ опытный агентъ, я зналъ, что когда три представителя трехъ иностранныхъ державъ одновременно испытываютъ потребность возстановливать свое здоровье въ одномъ и томъ же мѣстѣ, то это всегда опасно для четвертой державы.

Въ данный же 1910 годъ политическій небосклонъ Европы былъ вообще сильно омраченъ. Германія не различала больше, гдѣ ея друзья и враги... Атмосфера была сгущена...

По прибытіи въ Монте-Карло, я остановился въ отелѣ Метрополь и позвалъ къ себѣ переводчика.

Переводчики при отеляхъ являются живой энциклопедіей, знающей все и про всѣхъ.

На мой вопросъ, кто находится сейчасъ на Ривьерѣ изъ болѣе или менѣе выдающихся людей, я услышалъ

съ десятокъ герцогскихъ, княжескихъ и графскихъ именъ.

Затѣмъ, принявъ конфиденціальный видъ, переводчикъ добавилъ:

— Въ Hôte de Paris живетъ еще одинъ господинъ, русскій... Онъ называетъ себя графъ Вотчель, но мнѣ то отлично извѣстно, что это знаменитый князь Иванъ.

Я разсѣянно кивнулъ головой и спросилъ со смѣхомъ:

— А при немъ есть какая-нибудь „графиня Вотчель?“

Переводчикъ отвѣтилъ отрицательно, и я подумалъ облегченно:

— Слава Богу. Если бы при князѣ находилась какая-нибудь женщина-демимонденка, то задача графини Чеканьи значительно осложнилась бы.

Послѣ полудня я отправился въ отель Лувръ сдѣлать графинѣ визитъ.

Я вложилъ въ конвертъ мою визитную карточку. На этотъ разъ я выбралъ себѣ псевдонимъ: „Ванъ Гуитъ, изъ Дурнъ-Клуфа. Трансвааль“ приложилъ карточку фонъ-Ведела и приказалъ передать конвертъ графинѣ.

Она тотчасъ же приняла меня.

Я видѣлъ ея снимокъ и зналъ, что она хороша собой, но я никогда не думалъ, что встрѣчу такую красавицу! Высокая, стройная, гибкая, съ глубокими синими глазами, съ массой блестящихъ черныхъ волосъ, съ маленькимъ изящнымъ ртомъ, открывавшимъ въ улыбкѣ чудесные зубы,—графиня могла и должна была вызывать восхищеніе каждаго, бросившаго на нее хоть одинъ взглядъ.

Протягивая мнѣ руку, она лукаво улыбнулась и вымолвила:

— Здравствуйте, господинъ Ванъ Гуитъ изъ Трансвааля.

По ея улыбкѣ и по тону я понялъ, что ей прекрасно извѣстно, кто я такой. Она продолжала все съ той же лукавой усмѣшкой:

— Я немножко простудилась, докторъ... Не пропишите ли вы мнѣ какое-нибудь средство отъ простуды?

Вѣроятно, у меня былъ въ этотъ моментъ очень глупый видъ, такъ какъ она откровенно расхохоталась мнѣ въ лицо.

Говоря по правдѣ, ея освѣдомленность обо мнѣ и о моемъ докторскомъ званіи мнѣ совсѣмъ не понравилась. По правиламъ тайнаго агентства такія подробности должны составлять секретъ даже для самихъ членовъ агентства, работающихъ сообща.

Я, напримѣръ, ничего не зналъ о графинѣ, кромѣ того, что она венгерка родомъ и что, по мужу, она въ родствѣ съ домомъ блестящихъ венгерскихъ магнатовъ Фестетичъ.

Въ отвѣтъ на беззастѣнчивый смѣхъ графини я замѣтилъ сухо:

— Мнѣ приходится сдаться и покорно ждать, пока вы сами сообразовоите сказать, не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ?

Она смутилась.

— Пожалуйста, не сердитесь. Когда-нибудь я расскажу вамъ, какимъ образомъ мнѣ удалось собрать о васъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Увы! Она никогда не рассказала мнѣ этого.

Подъ видомъ очаровательной наивности, эта красавица умѣла таить въ себѣ дьявольскую хитрость. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ познакомиться поближе съ моей партнершой я перешелъ къ дѣлу.

— Вы знаете, зачѣмъ я здѣсь?

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что я должна

соединить мои усилія съ вашими и что мы будемъ дѣйствовать сообща. Я жду отъ васъ объясненій.

Вкратцѣ я разсказалъ ей суть нашей задачи и предложилъ какъ можно скорѣй завязать знакомство съ княземъ Иваномъ.

Мы условились въ тотъ же вечеръ поѣхать обѣдать въ Hôtel de Paris, гдѣ жилъ князь Иванъ.

Я сумѣлъ устроить такъ, что для насъ былъ оставленъ столикъ, рядомъ со столомъ князя.

Вечеромъ я послалъ графинѣ букетъ великолѣпныхъ розъ и заѣхалъ за ней, чтобы отвезти ее на обѣдъ.

Она заставила меня ждать довольно долго и вышла ко мнѣ въ восхитительномъ туалетѣ, сверкающая молодостью красотой.

— Чтобы вознаградить васъ за долгое ожиданіе, я приколотла ваши розы къ корсажу,—замѣтила она, улыбаясь.

Мы умышленно вошли въ обѣденный залъ отеля тогда, когда всѣ уже сидѣли за своими мѣстами и когда наше появленіе должно было обратить на себя общее вниманіе.

Медленно проходили мы между рядами столиковъ, и я съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ всѣ взгляды съ восхищеніемъ останавливаются на моей дамѣ. Изъ массы собравшихся здѣсь элегантныхъ и красивыхъ женщинъ пальма первенства безспорно принадлежала ей. Князь Иванъ, сидѣвшій справа отъ насъ, черезъ нѣсколько минутъ помѣнялся мѣстомъ со своимъ сосѣдомъ и сѣлъ такъ, чтобы быть какъ разъ противъ моей спутницы. Не вынимая монокля изъ глаза, онъ положительно пожиралъ графиню взглядомъ, не спуская съ нея глазъ, и то и дѣло перешептываясь о ней со своими сосѣдами.

Это подчеркнутое восхищеніе князя было замѣчено

всѣми остальными; нашъ столикъ сталъ центромъ вниманія.

Я, радуясь въ душѣ, дѣлалъ, однако, видъ, что все это мнѣ крайне непріятно и, въ концѣ-концовъ, подождавъ метръ д'отеля, сказалъ ему, указывая на князя:

— Попросите этого господина не смотрѣть такъ настойчиво въ нашу сторону. Это безцеремонное разглядываніе непріятно моей дамѣ.

Князь Иванъ слышалъ мои слова.

Метръ д'отель не успѣлъ подойти къ нему, какъ онъ всталъ, сдѣлалъ низкій поклонъ въ сторону графини и вышелъ изъ зала.

Послѣ обѣда мы направились въ салонъ, и едва расположились тамъ, какъ господинъ, обѣдавшій за однимъ столомъ съ княземъ Иваномъ, подошелъ ко мнѣ, передалъ карточку князя и его почтительнѣйшія извиненія за весь происшедшій инцидентъ, и просьбу лично принести эти извиненія моей дамѣ.

Графиня милостиво разрѣшила сдѣлать это.

Черезъ нѣсколько минутъ князь Иванъ, представившись намъ, цѣловалъ руку графинѣ.

Онъ бесѣдовалъ съ нами около часу и заключилъ бесѣду приглашеніемъ, пожаловать къ нему завтра на обѣдъ.

X.

Обѣдъ у князя Ивана прошелъ очень оживленно и любезностямъ, рассыпаемымъ княземъ, не было конца.

Прощаясь съ графиней Чеканьи, онъ просилъ ее подарить ему слѣдующій вечеръ. Они условились быть вмѣстѣ въ театрѣ и вмѣстѣ же поужинать.

На этотъ разъ, однако, я не былъ приглашенъ ни въ театръ, ни на ужинъ, и когда на слѣдующее

утро я случайно встрѣтился съ княземъ Иваномъ въ паркѣ, онъ ограничился мимолетнымъ поклономъ.

Къ подобнымъ уколамъ самолюбія я уже привыкъ, и они не дѣйствовали на меня...

Сближеніе графини Чеканьи съ княземъ пошло быстрыми шагами. Они почти не разставались и, разумеется, я не мѣшалъ имъ быть неразлучными.

Какъ разъ въ это время пришло извѣстіе о прибытіи въ Ниццу французскаго дипломата, котораго я сейчасъ же взялъ подъ свое наблюденіе, поручивъ влюбленнаго князя попеченіямъ моей партнерши.

Что касается англійскаго дипломата, то какія то событія въ парламентѣ задержали его въ Лондонѣ, и онъ прислалъ вмѣсто себя своего уполномоченнаго, привезшаго какой то письменный документъ чрезвычайной важности.

9-го февраля поздно вечеромъ я получилъ телеграмму отъ графини (она осталась въ Монте-Карло, въ то время какъ я находился въ Ниццѣ), слѣдующаго содержанія:

— Пріѣзжайте. Онъ здѣсь. Будетъ встрѣча съ нашимъ другомъ.

„Онъ“, — обозначало: „французскій дипломатъ“, — „нашъ другъ“, — это былъ князь Иванъ.

Я немедленно же взялъ автомобиль и помчался въ Монте-Карло.

Въ вестибюлѣ отеля меня ждала камеристка графини (она также была на службѣ нашего агентства) и сообщила мнѣ, что произошла какая то серьезная беседа между двумя дипломатами, и что графиня лично передастъ мнѣ подробности.

Я назначилъ графинѣ свиданіе на слѣдующее утро, въ 10 часовъ, въ атриумъ казино. Она явилась минута въ минуту и подтвердила, что вчера вечеромъ въ Hôtel

de Paris, въ комнатѣ князя Ивана, состоялась его встрѣча съ французскимъ дипломатомъ.

Графиня, переѣхавшая въ тотъ же отель и занимавшая номеръ рядомъ съ номеромъ князя Ивана, подслушала часть этой бесѣды и узнала кое какія интересныя подробности.

Рѣчь шла объ обмѣнѣ мнѣній между Франціей, Россіей и Англіей, разрабатывающихъ вопросъ о тройственномъ согласіи, которое стояло бы на стражѣ своихъ интересовъ и могло бы воспрепятствовать планамъ Германіи, стремящейся къ расширенію своихъ границъ.

Повидимому, на карту ставилось политическое будущее Германіи.

По словамъ графини, между двумя дипломатами должна была произойти еще одна встрѣча, назначенная въ пять часовъ.

Я просилъ свою партнершу во что бы то ни стало добыть мнѣ еще кое какія данныя и пустить для этого въ ходъ всю ловкость и все свое умѣніе.

Она общалась, и мы условились встрѣтиться здѣсь же, въ тотъ же вечеръ, въ семь часовъ.

Я хотѣлъ вернуться къ себѣ въ отель, но замѣтилъ, что два какихъ то подозрительныхъ субъекта слѣдуютъ за мной по пятамъ.

Я зашелъ въ отель только на минуту, расплатиться по счету и сдѣлать распоряженіе, чтобы отправили на вокзалъ мой багажъ.

Затѣмъ я купилъ себѣ билетъ до Милана, и обезпечивъ, такимъ образомъ, отступленіе, сдѣлалъ продолжительную прогулку по окрестностямъ.

Въ казино я вернулся уже въ сумеркахъ и занялъ мѣсто въ атриумѣ, противъ входа.

Ждать мнѣ пришлось довольно долго; я зналъ, что человѣкъ, пришедшій въ казино не для игры и не для

флирта, неминуемо долженъ обратить на себя вниманіе, и чтобы избѣжать этого, принялся ухаживать за какой то старой, толстой англичанкой, кажется, весьма удивившейся моимъ неожиданнымъ любезностямъ.

Въ половинѣ восьмого я замѣтилъ за стеклянной дверью фигуру камеристки графини и поспѣшилъ ей навстрѣчу.

— Графиня проситъ васъ назначить другое мѣсто встрѣчи,—сказала она тихо.—Она боится, что здѣсь ее могутъ прослѣдить.

Это была не лишняя предосторожность. Я подумалъ немного и выбралъ маленькое кафэ вблизи вокзала, куда немедленно и направился.

Графиня пришла почти слѣдомъ за мной.

Длинное, черное манто было накинуто на ее свѣтлый туалетъ.

Дѣлая видъ, что она всецѣло занята тѣмъ, чтобы вдѣть розу въ петлицу мого костюма, она прошептала:

— Вотъ все, что я могла достать... Но этого болѣе, чѣмъ достаточно. Сегодня ночью я ѣду въ Римъ. До свиданія.

Она протянула мнѣ руку, и я почувствовалъ шелестящую, вчетверо сложенную бумажку, которая была у нея спрятана за перчаткой, и которую я крѣпко зажалъ.

Мнѣ едва хватило времени попасть на поѣздъ.

Запершись въ своемъ купэ, я поспѣшно развернулъ записку.

На бланкѣ отеля de Paris было наскоро набросано нѣсколько строкъ: упоминались имена, даты и маршрутъ. Они дополняли бесѣду дипломатовъ, подслушанную графиней, и разоблачали важные планы.

Я узналъ, что предполагается секретное свиданіе двухъ монарховъ. Узналъ, гдѣ оно назначено и кто долженъ присутствовать при немъ.

Но этому свиданью было не суждено состояться. Императоръ Вильгельмъ сумѣлъ ему воспрепятствовать своимъ внезапнымъ вмѣшательствомъ въ мароккскій вопросъ.

Не останавливаясь въ Миланѣ, я проѣхалъ прямо въ Берлинъ и черезъ сорокъ восемь часовъ уже представилъ документы фонъ-Веделю, который поспѣшилъ отнести ихъ императору.

XI.

Послѣ нѣсколькихъ сложныхъ, успѣшно выполненныхъ порученій, я, усталый, вернулся въ Берлинъ, мечтая о продолжительномъ отдыхѣ, о прогулкахъ верхомъ, заранѣе составляя программу мирныхъ развлеченій. Но всѣ эти мечты рухнули отъ одного телефоннаго звонка и отъ почтительнаго доклада моего чернокожаго слуги Кима:

— Господинъ, васъ вызываютъ номеръ А 11.

„А 11“, это—обозначало: министерство иностранныхъ дѣлъ, которое, подъ этимъ номеромъ производило вызовы своихъ тайныхъ агентовъ. Я подошелъ къ телефону и услышалъ голосъ графа фонъ-Веделя, предлагавшаго мнѣ быть въ половинѣ одиннадцатаго вечера на Вильгельмштрассе и приготовиться къ далекому путешествію.

Прощай надежда на отдыхъ!..

Я отдалъ Киму необходимыя распоряженія и покорно отправился въ указанный часъ за инструкціями.

По пути я перебиралъ всѣ политическія событія, волновавшія въ данный моментъ Европу, и мысль моя все упорнѣе возвращалась къ мароккскому вопросу.

Изъ-за этого вопроса Франція и Германія точили другъ на друга зубы. Офицерская партія въ Берлинѣ, съ прусскими юнкерами во главѣ, прилагала всѣ уси-

лія къ тому, чтобы втянуть императора въ войну. Франція давала спокойный, но твердый отпоръ...

Ровно въ половинѣ одиннадцатаго вечера я входилъ въ пріемную графа фонъ-Веделя. Тамъ уже находился какой-то незнакомый мнѣ господинъ, съ которымъ мы обмѣнялись молчаливыми поклонами.

Послѣ получасового ожиданія мы оба получили приглашеніе войти въ кабинетъ. Это удивило меня, такъ какъ графъ обыкновенно принималъ каждого посѣтителя отдѣльно, съ глазу на глазъ.

Увидя насъ вмѣстѣ, фонъ-Ведель спросилъ, знакомы ли мы, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, представилъ насъ другъ другу. Незнакомецъ оказался бывшимъ драгунскимъ офицеромъ, фонъ-Зенденомъ.

Графъ, пристально глядя на насъ, отчеканилъ:

— Въ половинѣ двѣнадцатаго я проведу васъ въ другой кабинетъ. Вы войдете на середину комнаты и повернетесь направо, лицомъ къ портьерѣ. На вопросы, которые вамъ будутъ предлагать, отвѣчайте кратко, и точно, безъ комментаріевъ. Обо всемъ, что вы узнаете, храните глубокое молчаніе. Вы поняли?

Мы молча поклонились.

Въ этотъ моментъ послышался ударъ гонга.

Графъ всталъ и произнесъ:

— Приготовьтесь господа!

Онъ вышелъ изъ комнаты и вернулся черезъ нѣсколько минутъ, знакомъ приглашая насъ слѣдовать за собой.

Мы спустились по лѣстницѣ и пошли длиннымъ узкимъ корридоромъ. Въ самомъ концѣ его была тяжелая, дубовая дверь, возлѣ которой стоялъ лакей въ придворной ливреѣ.

Фонъ-Ведель постучалъ. Гвардейскій офицеръ мгновенно открылъ дверь и тотчасъ же скрылся.

Мы вышли на середину ярко освѣщенной комнаты и остановились передъ портьерой, дѣлившей эту комнату на двѣ части.

Вторая половина освѣщалась лампой подъ низко спущеннымъ абажуромъ, поставленной на бюро огромныхъ размѣровъ.

Фонъ-Зенденъ и я взглянули въ ту сторону и оба вздрогнули. Передъ бюро, съ перомъ въ рукахъ, сидѣлъ императоръ Вильгельмъ. Мы стояли молча, не двигаясь, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти минутъ. Императоръ продолжалъ писать.

Это напряженное ожиданіе въ присутствіи верховнаго вождя и вся эта необычайность обстановки дѣйствовали на нервы и вызвали,—у меня, по крайней мѣрѣ, живѣйшее желаніе быть сейчасъ гдѣ угодно, только не здѣсь.

Наконецъ, императоръ поднялъ голову, окинулъ взглядомъ сперва меня, потомъ фонъ-Зендена и произнесъ:

— Ведель, пусть подойдетъ первый.

Фонъ-Зенденъ получилъ приказъ удалиться. Выборъ палъ не на него, и съ тѣхъ поръ я больше не встрѣчался съ нимъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Офицеръ, проводившій фонъ-Зендена, вернулся было, но также получилъ приказаніе удалиться.

Въ комнатѣ остались трое: императоръ, читавшій какой-то документъ, графъ фонъ-Ведель, стоявшій у бюро, и я.

До тѣхъ поръ я видѣлъ императора лишь на фотографическихъ снимкахъ. Онъ показался мнѣ значительно старше, чѣмъ его изображали на портретахъ. Худобой своего лица и цвѣтомъ кожи онъ походилъ на своего предка, Фридриха Великаго. Меня поразилъ яркій блескъ его сѣро-голубыхъ глазъ съ острымъ,

повелительнымъ взглядомъ, котораго, опять-таки я не замѣчалъ ни на одномъ портретѣ.

— Сколько времени вы на службѣ?—спросилъ онъ.

— Три года, ваше величество.

— Вы знаете Марокко?

(Марокко! Добыча, оспариваемая Франціей и Германіей!).

Я отвѣтилъ:

— Знаю, ваше величество.

— Сколько времени провели вы въ Марокко?

— Почти двѣнадцать мѣсяцевъ.

Мнѣ показалось, что императоръ колеблется, и обдумываетъ что то... Поднявъ на меня глаза и глядя въ упоръ, онъ спросилъ:

— Вы знаете сэида Маклэна?

— Я былъ однажды приглашенъ къ нему въ качествѣ врача. Маклэнъ былъ тогда ближайшимъ совѣтникомъ султана.

— Сэидъ помнитъ, что вы оказывали ему медицинскую помощь?

— Я не могу ручаться за чужую память, ваше величество!

Отвѣтъ, повидимому, удовлетворилъ императора.

Онъ отвелъ отъ меня взглядъ и произнесъ въ сторону Веделя:

— Онъ сдѣлаетъ дѣло. Приготовьте депеши.

Графъ молча удалился. Императоръ рѣзкимъ движеніемъ откинулся на спинку кресла и произнесъ:

— Кромѣ официальныхъ депешъ, которыя вамъ поручать, вы должны выучить наизусть этотъ приказъ и передать его капитану „Пантеры“.

Онъ протянулъ мнѣ листъ бумаги и продолжалъ:

— Никто, кромѣ графа Веделя, не долженъ знать о вашей миссіи и, въ особенности, никто не долженъ

знать, что вы передали отъ моего имени словесный приказъ капитану „Пантеры“. Понимаете?

— Да, ваше величество!

Императоръ снова нагнулся надъ бюро и опустилъ голову на руки.

Въ этой позѣ и съ этимъ выраженіемъ усталости, внезапно появившемся на его лицѣ, онъ показался мнѣ сразу постарѣвшимъ на много лѣтъ, сгибающимся подъ тяжкимъ бременемъ, возложеннымъ на его плечи.

Моя мысль, работала съ лихорадочной быстротой:— „Пантера“?... Возможность войны?... „Пантера“ крейсируетъ въ настоящее время у береговъ Испаніи, готовая пересѣчь Средиземное море и направиться въ Марокко... На меня возлагается обязанность передать секретное предписаніе императора капитану „Пантеры“?!

Я развернулъ бумагу, данную мнѣ императоромъ и прочелъ текстъ.

Онъ показался мнѣ сперва такимъ незначительнымъ, что я съ изумленіемъ спрашивалъ себя:—И этому то документу придается такая цѣнность?! Врученіе его облекается такой тайной?!

Я принялся заучивать текстъ наизусть. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Ведель. Императоръ сказалъ ему нѣсколько словъ вполголоса и обернулся ко мнѣ.

— Вы запомнили содержаніе документа?

— Да, ваше величество.

Онъ взялъ у меня изъ рукъ бумагу и поднесъ къ ней зажженную спичку.

Бумага вспыхнула.

Императоръ придерживалъ ее кончиками пальцевъ, пока она не обратилась въ пепелъ.

Затѣмъ онъ отпустилъ насъ кивкомъ головы.

Фонъ-Ведель и я вышли.

Итакъ, я обладалъ секретомъ, извѣстнымъ лишь одному императору! Секретомъ, за который министры

Франціи и Англіи и все крупныя финансисты Европы заплатили бы милліоны!

Уходя, я уносилъ въ своей памяти образъ императора. Онъ остался одинъ въ этой огромной комнатѣ, склоненный надъ огромнымъ бюро, сумрачный, постарѣвшій, лелѣющій планы, которыми онъ дѣлился съ однимъ лишь графомъ фонъ-Веделемъ, да, можетъ быть, еще съ кронпринцемъ?..

Когда тяжелая дубовая дверь захлопнулась за нами, графъ фонъ-Ведель, взявъ меня подъ руку, предложилъ пройти къ нему въ его маленькій рабочій кабинетъ. Тамъ онъ вынулъ изъ тайного ящика бюро запечатанный пакетъ и передалъ мнѣ со словами:

— Докторъ, на васъ возложена миссія огромной важности. Въ воздухѣ виситъ серьезная угроза... угроза войны. Мы догадываемся откуда она исходитъ, но намъ надо знать это навѣрное. Вы сами достаточно освѣдомлены и понимаете, что у насъ есть цѣлая партія, толкающая императора къ войнѣ.

Фонъ-Ведель сдѣлалъ паузу...

— Эти письма,—началъ онъ снова,—вы передадите нашему посланнику въ Парижъ. Необходимо передать ихъ послѣ завтра до полудня. Чтобы пріѣхать въ Парижъ во время, выѣзжайте сейчасъ же, съ ночнымъ экспрессомъ. Въ Парижѣ, въ нашемъ посольствѣ вамъ дадутъ депеши, которыя вы отвезете въ Мадридъ, а затѣмъ вы должны быстро нагнать „Пантеру“: она находится сейчасъ возлѣ Барцелоны. Было бы желательно, чтобы вы прислали намъ точное донесеніе о силахъ англійской эскадры въ Гибралтарѣ.

Онъ снова сдѣлалъ паузу и закончилъ словами:

— На этотъ разъ я не даю вамъ чека въ кассу. Вамъ будетъ уплачено изъ личныхъ суммъ императора. Я пришлю вамъ на домъ пакетъ съ француз-

скими и испанскими деньгами. Скажите, вы хорошо запомнили словесный приказъ его величества?

Я подтвердилъ, что каждое слово этого приказа запечатлѣно въ моей памяти и мы разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

ХП.

Дома я нашелъ все готовымъ къ отъѣзду. Вѣрный Кимъ—отлично изучилъ мои привычки и всегда укладывалъ мнѣ въ чемоданъ ровно столько вещей и именно тѣ вещи, которыя мнѣ были нужны.

Я,—какъ, впрочемъ, и всѣ тайные агенты, никогда не имѣлъ при себѣ револьвера и, вообще, никакого оружія, если не считать мѣшечка, наполненнаго смѣсью кайенскаго перца, нюхательнаго табаку и растертаго пороха. Эта смѣсь служила для того, чтобы въ случаѣ нападенія, засыпать глаза нападающему и на время ослѣпить его.

Передъ самымъ отъѣздомъ на вокзалъ я получилъ отъ фонъ-Веделя пакетъ, заключавшій въ себѣ тысячу франковъ золотомъ и двѣ тысячи пезетъ.

Въ парижскомъ экспрессѣ, обычно переполненномъ публикой, мнѣ при помощи щедраго „на чай“, удалось занять мѣсто въ отдѣльномъ купѣ.

Вплоть до самой границы Бельгіи все шло благополучно. На предпоследней передъ границей станціи, въ сосѣднее купѣ вошли три новыхъ пассажира: два господина и одна дама. Повидимому, они были знакомы другъ съ другомъ и путешествовали вмѣстѣ.

Едва поѣздъ тронулся, какъ дама, стремительно ворвавшись въ мое купѣ, заявила, что одинъ изъ ея спутниковъ оскорбилъ ее, и просила меня взять ее подъ свою защиту.

Я не могъ отказать въ этомъ женщинѣ, и, вставъ, предложилъ перенести ея багажъ въ мое купэ.

Она съ благодарностью согласилась.

Я вошелъ въ сосѣднее отдѣленіе и уже протянулъ руку къ сѣткѣ, гдѣ лежалъ небольшой сакъ, на который мнѣ указала дама, какъ вдругъ, одинъ изъ ея спутниковъ крикнулъ:

— Какъ вы смѣете трогать вещи моей жены!

Дама оставалась въ это время въ корридорѣ. Стоя къ ней спиной, я увидѣлъ вдругъ въ зеркалѣ, какъ она сдѣлала остановившему меня господину какой то знакъ.

Я понялъ: передо мной была шайка сообщниковъ. Но что имъ нужно было отъ меня?

Они вызвали кондуктора поѣзда, и „мужъ“ дамы указалъ ему на меня, какъ на вора, собиравшагося украсть сакъ его жены. Дама и второй ея спутникъ подтвердили его обвиненіе.

Кондукторъ, не слушая моихъ объясненій, заперъ меня въ купэ, заявивъ, что по пріѣздѣ въ Кельнъ онъ передастъ меня начальнику станціи.

Оставшись одинъ, я готовъ былъ избить себя отъ злости. Я, опытный тайный агентъ, позволилъ провести себя, какъ мальчишку! Попался на глупую дѣтскую хитрость! Самъ, добровольно, влѣзъ въ поставленную мнѣ ловушку! Это было непростительно!

Но кому понадобилось втянуть меня во всю эту исторію? Кто эти люди, занимающіе сосѣднее купэ, и какую цѣль преслѣдуютъ они, стараясь задержать меня?

Кое въ чемъ я началъ уже разбираться...

Очевидно, есть партія, которой надо, во что бы то ни стало, помѣшать мнѣ исполнить секретное порученіе императора, а это можно сдѣлать, заставивъ меня опоздать въ Парижъ, куда я долженъ прибыть послѣ-

завтра, обязательно до полудня. Фонъ-Ведель настаивалъ на этомъ...

Въ Кельнѣ меня задержать... До слѣдующаго поѣзда я потеряю шесть часовъ. Время совершенно достаточное для возникновенія самыхъ грозныхъ событій.

Германія жаждетъ войны... Если секретный приказъ императора, адресованный капитану „Пантеры“ запаздаетъ, то...

Дрожь пробѣжала по моему тѣлу.

Кто могъ узнать о той тайной миссиі, исполнителемъ которой я являлся? О ней знали только трое: императоръ, фонъ-Ведель и я. За себя и за фонъ-Веделя я могъ поручиться.... Можетъ быть, императоръ открылъ эту тайну кронпринцу и она, такимъ образомъ, всплыла наружу?

Въ Кельнѣ я прибылъ съ уже созрѣвшимъ рѣшеніемъ. Едва завидя начальника станціи, я отвелъ его въ сторону, показалъ ему мою карточку тайнаго агента и пакетъ, адресованный въ германское посольство въ Парижѣ.

— Обвиненіе въ кражѣ, взводимое на меня, нелѣпо, — заявилъ я энергичнымъ тономъ. — Вы можете, если хотите, телеграфировать сейчасъ въ Вильгельмштрассе и навести тамъ справки обо мнѣ. Я не насилую вашей воли, но знайте, что если вы задержите меня здѣсь, то послѣдствія будутъ очень непріятны для васъ.

Я внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица моего собесѣдника и читалъ его мысли:

— Этотъ человѣкъ утверждаетъ, что онъ — посланецъ самого императора. Если онъ лжетъ, то мы еще успѣемъ арестовать его на границѣ, если же онъ говоритъ правду, то, задержавъ его здѣсь, я навлеку на свою голову такую бѣду, которую мнѣ вѣкъ не исправить.

Обернувшись къ моимъ обвинителямъ, онъ заявилъ имъ, что ихъ жалоба ни на чемъ не основана, и отпустилъ меня на свободу.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ инцидентовъ добрался я до Парижа, передалъ въ посольствѣ свои депеши и получилъ два письма для врученія ихъ германскому посланнику въ Мадридѣ.

На вокзалѣ въ Мадридѣ меня ждалъ атташе посольства, принявшій отъ меня бумаги и письма.

Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Барселону.

ХІІІ.

„Пантеру“ я долженъ былъ найти въ барселонскихъ водахъ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось нанять паровой катеръ, въ которомъ я и отправился на розыски крейсера.¹

Наступила уже ночь, когда на горизонтѣ стали вырисовываться очертанія „Пантеры“. Когда мы приблизились къ борту ея, насъ окликнулъ вахтенный. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ нужно видѣть капитана. Послѣ долгихъ переговоровъ мнѣ удалось привлечь вниманіе старшаго офицера. Онъ перегнулся черезъ бортъ и крикнулъ:

— Что вамъ надо?

— По приказанію императора я долженъ говорить съ капитаномъ,—отвѣтилъ я.

Онъ далъ мнѣ разрѣшеніе подняться на крейсеръ и проводилъ въ каюту капитана.

Тотъ внимательно посмотрѣлъ на меня. У него былъ еуровый, задумчивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доброжелательный видъ.

Пронизывая меня взглядомъ, онъ спросилъ:

— Какой вашъ номеръ на Вильгельмштрассе?

— Семнадцатый.

Это удовлетворило его. Повидимому, онъ уже получилъ по беспроволочному телеграфу предупрежденіе, что номеръ 17 будетъ на его суднѣ. Но изъ осторожности онъ еще продолжалъ допрашивать:

— Кто далъ вамъ инструкціи?

— Графъ фонъ-Веделъ.

— А еще?

Онъ не сводилъ съ меня глазъ.

— Я получилъ инструкціи непосредственно отъ его величества и уполномоченъ передать вамъ словесный приказъ. Содержаніе этого приказа вы, пользуясь условнымъ шифромъ, должны немедленно телеграфировать графу фонъ-Веделю.

Капитанъ всталъ, неслышно подошелъ къ дверямъ и быстро распахнулъ ихъ. Убѣдившись, что никто не подслушиваетъ насъ, онъ снова закрылъ двери и вернулся ко мнѣ:

— Говорите.

Слово въ слово я повторилъ ему приказъ, собственноручно написанный императоромъ и собственноручно сожженный имъ. Текстъ этого приказа врѣзался въ мою память навсегда. Вотъ онъ:

„Каковы бы ни были официальные приказанія, которыя вы уже получили, каковы бы ни были приказанія, которыя вы еще получите, какъ бы серьезно ни было положеніе, какъ бы ни старались провоцировать васъ, я вамъ запрещаю самымъ категорическимъ образомъ, во время стоянки „Пантеры“ въ Агадиръ, примѣнять силу“.

Капитанъ „Пантеры“ былъ, повидимому, такъ же изумленъ содержаніемъ этого приказа, какъ былъ изумленъ до того я самъ. Императоръ отмѣнялъ формальныя инструкціи, полученныя отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и сводилъ ихъ на-нѣтъ. Въ то время какъ инструкціи министерства были направлены

къ тому, чтобы вызвать войну, приказъ императора требовалъ сохраненія мира.

Если бы прусскіе юнкеры, крупные фабриканты оружейныхъ заводовъ, офицеры всѣхъ родовъ оружія и германскіе феодалы слышали, какъ я повторилъ капитану „Пантеры“ слова императора, они взвыли бы отъ бѣшенства.

Событія, послѣдовавшія за этимъ, принадлежать уже исторіи.

Извѣстно, какое впечатлѣніе произвело появленіе „Пантеры“ въ Марокко, куда она пришла 7-го іюля 1911 года и гдѣ простояла двѣ недѣли.

Извѣстно также, что немедленно прибыли туда же французскій и англійскій крейсера и встали рядомъ. Несмотря на крайнее нетерпѣніе, проявляемое офицерами и экипажемъ, дѣло не дошло, однако, до столкновеній.

Но никому неизвѣстно, что капитаны французскаго и англійскаго крейсеровъ послали капитану „Пантеры“ ультиматумъ, предлагая немедленно же покинуть агадирскій портъ и угрожая, въ противномъ случаѣ, прибѣгнуть къ силѣ.

Если бы капитанъ „Пантеры“ не получилъ черезъ меня секретнаго предписанія императора, онъ, разумѣется, долженъ былъ бы отвергнуть этотъ ультиматумъ. Слѣдуя официальнымъ инструкціямъ, „Пантерѣ“ пришлось бы, въ свою очередь, пустить въ ходъ силу. Но, руководствуясь приказомъ императора, „Пантера“ удалась, не протестуя.

Разумѣется, не изъ любви къ миру принесъ императоръ въ жертву свое самолюбіе. Онъ зналъ, что существуетъ какое то соглашеніе между Франціей и Англіей, но онъ не зналъ точнаго его содержанія. Посылая „Пантеру“ въ Агадиръ, онъ имѣлъ въ виду убѣдиться, насколько прочно это соглашеніе и рискнуть

ли двѣ державы соединиться для совмѣстнаго выступленія противъ Германіи. Ловкимъ маневромъ императору удалось довести событія до порога войны и остановить ихъ въ тотъ моментъ, когда Франція и Англія дали неоспоримое доказательство своего единодушія и подтвердили прочность своего союза.

XIV.

Въ серединѣ октября 1911 года политическое положеніе Европы стало осложняться настолько, что близость крупныхъ событій казалась неизбежной.

Послѣ инцидента въ Агадирѣ, императоръ Вильгельмъ зналъ, что Франція и Англія будутъ дѣйствовать, въ случаѣ войны, въ полномъ единеніи.

Я не сомнѣвался, что, зная это, императоръ подготовитъ какой-нибудь новый дипломатическій маневръ. Не сомнѣвался также и въ томъ, что этотъ маневръ будетъ извѣстенъ мнѣ, такъ какъ, если снова потребуются услуги тайнаго агента, то этимъ агентомъ окажусь я,—человѣкъ, уже знакомый съ положеніемъ вещей и находящійся въ курсѣ дѣла.

И, дѣйствительно, я вскорѣ получилъ приглашеніе пожаловать на Вильгельмштрассе, гдѣ меня ожидалъ пріятный сюрпризъ.

Фонъ-Ведель передалъ мнѣ чекъ на 10.000 марокъ, сказавъ при этомъ два магическихъ слова:

— Seine Majestät!

На условномъ языкѣ это значило: награда отъ императора, который остался доволенъ успѣшно выполненной миссіей. Затѣмъ, скрестивъ руки и откинувшись на спинку стула, фонъ-Ведель заговорилъ:

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы сопровождали его превосходительство г. Кидерленъ-Вехтера въ качествѣ его личнаго секретаря. Я выбралъ именно васъ, потому

что вы отлично говорите по-англійски и потому что вы уже опытни въ томъ вопросѣ, который стоитъ на очереди. Въ скоромъ времени въ охотничьемъ павильонѣ, въ лѣсу Таунусъ должно будетъ состояться свиданіе нѣсколькихъ дипломатовъ. Вы будете единственнымъ сопровождающимъ ихъ человѣкомъ и вы же должны будете охранять ихъ инкогнито. На вашей обязанности лежитъ сжечь въ послѣдствіи всѣ вещественныя доказательства этого свиданія: бумаги, записки и т. п. Вы уничтожите ихъ въ присутствіи Кидерленъ-Вехтера.

Онъ испытующе посмотрѣлъ на меня. Я понялъ, что поручаемая мнѣ роль будетъ очень отвѣтственна.

— Вы приѣдете въ указанное мѣсто за три дня до прибытія дипломатовъ. Вы позаботитесь о томъ, чтобы ихъ устроили, какъ можно комфортабельнѣе, и чтобы никто не зналъ объ ихъ приѣздѣ. Намъ чрезвычайно важно, чтобы никакихъ слуховъ объ этомъ свиданіи не проникло въ народъ. Я совѣтую вамъ придать этой поѣздкѣ характеръ охотничьей прогулки. Такъ какъ вы не знаете именъ тѣхъ лицъ, съ которыми вамъ придется встрѣтиться, то я запишу ихъ вамъ.

Пока онъ писалъ, я раздумывалъ обо всемъ сказанномъ мнѣ. Очевидно, на карту была опять поставлена политическая будущность Германіи и, очевидно, Россія, Франція и Англія собираются дѣйствовать сообща; императору же нужно сдѣлать какой-то ловкій дипломатическій ходъ, чтобы разбить ихъ планы...

Фонъ-Ведель кончилъ писать и протянулъ мнѣ листочекъ бумаги, на которомъ значились имена: лордъ Х..., членъ англійскаго парламента, М. У., адмиралъ фонъ-Тирпицъ, генералъ фонъ-Херингентъ, генералъ Морицъ Риттеръ фонъ-Ауфенбергъ и Кидерленъ-Вехтеръ.

Если бы я не былъ опытнымъ членомъ тайнаго

агентства, я не смогъ бы скрыть своего изумленія, читая эти имена; но 11-лѣтняя служба приучила меня таить въ себѣ мысли, и я лишь молча недоумѣвалъ.

У Германіи крайне натянутыя отношенія съ Англіей... Какимъ же образомъ два представителя Англіи будутъ принимать участіе въ секретномъ совѣщаніи германскихъ дипломатовъ? Для какой цѣли приглашаются они на секретную конференцію въ Таунускій лѣсъ?

Я зналъ, что два англійскихъ дипломата уже были инкогнито въ Германію, по приглашенію министерства иностранныхъ дѣлъ, и что это приглашеніе имѣло тайной цѣлью показать имъ, какъ далеко зашли въ Германіи приготовленія къ войнѣ.

Фонъ-Веделъ прервалъ мои размышленія словами:

— Эти господа встрѣтятся въ серединѣ текущаго мѣсяца невдалекѣ отъ Шлангенбадъ. Вы знаете мѣстность? Помните, что вамъ нужно отправиться туда заранее и все привести въ порядокъ. Это порученіе одно изъ самыхъ сложныхъ, отвѣтственныхъ и интересныхъ среди тѣхъ, что когда-либо давались вамъ. Мы надѣемся на васъ, докторъ.

Я молча поклонился. Мы разстались.

Вернувшись домой, я еще разъ внимательно просмотрѣлъ списокъ, данный мнѣ фонъ-Веделемъ.

Лордъ Х. считался *persona grata* у нашего императора. Членъ парламента М. У. былъ также весьма популяренъ. Кидерленъ-Вехтеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, пользовался, несмотря на всѣ интриги, неограниченнымъ довѣріемъ Вильгельма. Фонъ-Херингенъ и Тирпицъ стояли во главѣ арміи и флота. За первымъ изъ нихъ была закрѣплена репутація второго Мольтке. Морицъ Риттеръ фонъ-Ауфенбергъ, военный австрійскій министръ, считался въ Вѣнѣ правой рукой канцлера.

Такимъ образомъ, были представлены три великихъ державы. Шесть выдающихся государственныхъ дѣятелей должны были встрѣтиться въ скромномъ охотничьемъ домикѣ и выработать сообща какой-то планъ, грандіознаго значенія.

На слѣдующій день я поѣхалъ представиться Кидерленъ-Вехтеру.

По виѣшнему виду министра никто бы не сказалъ, что это выдающійся человѣкъ (ахъ, Германіи и императору въ данный моментъ такъ не хватаетъ выдающихся людей!), пользующійся почти неограниченной властью.

Онъ скорѣе производилъ впечатлѣніе скромнаго фермера. Склонность министра къ яркимъ, пестрымъ жилетамъ накладывала на его костюмъ отпечатокъ безвкусицы и какой-то буржуазности. Но когда онъ поднималъ глаза и взглядъ его, какъ лезвіе отточенной стали вливался въ собесѣдника, впечатлѣніе отъ этихъ пестрыхъ, безвкусныхъ жилетовъ мгновенно исчезало, и чувствовалось только непреодолимое вліяніе существа высшаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Я доложилъ его превосходительству, что явился къ нему за инструкціями.

Въ общихъ чертахъ онъ далъ ихъ мнѣ и прибавилъ энергичнымъ тономъ:

— Самое главное, это—держите языкъ за зубами.

Изъ словъ министра я не могъ вывести никакихъ опредѣленныхъ заключеній о надвигающейся политической грозѣ. Тонъ Кидерленъ-Вехтера былъ твердъ и спокоенъ.

Передъ отъѣздомъ я позаботился о пріобрѣтеніи нѣсколькихъ охотничьихъ ружей, чтобы, по совѣту фонъ-Веделя, придать всей поѣздкѣ видъ охотничьей экскурсіи.

Прибывъ на станцію Шлангенбадъ въ великомъ

герцогствѣ Нассаускомъ, я остановился въ Kur-Hotel и записался подъ именемъ г. Бамбергера изъ Берлина.

Черезъ нѣсколько дней въ отель начали съѣзжаться мои „гости“.

Первымъ прибылъ австріецъ, генераль Морицъ Риттеръ фонъ-Ауфенбергъ. Это былъ спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, больше всего въ мірѣ любившій рыбную ловлю. Затѣмъ пріѣхали адмираль фонъ-Тирпицъ и генераль фонъ-Херингенъ. Этотъ послѣдній напоминалъ мнѣ египетскую мумію и походилъ на фараона Рамзеса II.

Знаменательное свиданіе состоялось 12-го октября въ охотничьемъ павильонѣ Эренкругъ, находившемся въ густомъ лѣсу, въ 17 миляхъ отъ Шлангенбада. По сосѣдству отъ павильона не было никакихъ жилыхъ зданій. Я позаботился о томъ, чтобы стража разсыпанная по лѣсу, не подпускала къ павильону случайныхъ прохожихъ.

Вообще, охрана была организована такъ хорошо, что даже меня самого задержали по дорогѣ къ павильону и подвергли допросу.

Германскіе и австрійскіе делегаты прибыли на конференцію первыми. Англичане заставили подождать себя три четверти часа. Было безъ четверти четыре, когда въ лѣсу у охотничьяго павильона слышался шумъ привезшаго ихъ мотора. Я никогда не видѣлъ старшаго изъ этихъ двухъ джентльменовъ. Онъ производилъ впечатлѣніе католическаго священника, гладко выбритый, прямой, невозмутимо-спокойный. Маленькая лысина на темени напоминала тонзуру.

Съ молодымъ англичаниномъ я уже имѣлъ случай встрѣчаться. Это былъ очень нервный и въ то же время очень застѣнчивый господинъ. Онъ говорилъ много, оживленно жестикулировалъ и, благодаря удивительно

гибкой фигурѣ и свѣжему цвѣту лица, казался гораздо моложе своихъ лѣтъ.

Увидѣвъ меня, онъ живо обернулся и спросилъ:

— Мы встрѣчались съ вами?

— Да. Въ Трансваалѣ. Во время англо-бургской войны.

Онъ улыбнулся и кивнулъ головой.

— Вѣрно.

Его, дѣйствительно, принесли тяжело раненымъ ко мнѣ въ лазаретъ въ Блумфонтэнѣ. Оказывается, онъ не забылъ этого и узналъ меня.

Послѣ плотнаго завтрака, делегаты удалились для совѣщанія въ большой салонъ. Я остался у входа, имѣя намѣреніе слѣдить, чтобы стража и жандармы не подходили близко къ павильону.

О чемъ шла рѣчь въ началѣ конференціи, я не слыхалъ. Лишь черезъ часъ меня попросили войти въ салонъ.

Делегаты сидѣли вокругъ большого стола; по лицамъ ихъ я видѣлъ, что засѣданіе проходитъ довольно бурно.

Передъ каждымъ изъ нихъ лежали листъ бумаги и карандаши. Я замѣтилъ, что бумага, лежавшая передъ генераломъ фонъ-Херингенъ, оставалась совершенно не исписанной. Генералъ, по обыкновенію, полагался на свою память и не дѣлалъ никакихъ записей.

Зато масса помѣтокъ было сдѣлано на бумагахъ молодого англичанина. Входя въ салонъ, я услышалъ фразу, брошенную австрійскимъ делегатомъ.

— Чтобы осуществить это, нужно нарушить балканское соглашеніе.

При этихъ словахъ Кидерленъ-Вехтеръ медленно поднялся и также медленно обвелъ взглядомъ всѣхъ присутствовавшихъ. Я замѣтилъ, что въ этотъ день на

немъ былъ надѣтъ одинъ изъ его самыхъ пестрыхъ, экстравагантныхъ жилетовъ.

Его взглядъ задержался дольше всѣхъ на молодомъ англичанинѣ, и онъ произнесъ, скандируя каждое слово:

— Господа, за влѣніе генерала Морица фонъ-Ауфенберга вполне логично, но осуществить это на практикѣ мы не можемъ. Мы въ правѣ лишь внести это предложеніе на разсмотрѣніе нашихъ верховныхъ вождей, которые рѣшатъ этотъ вопросъ. Лордъ Х. совершенно справедливо замѣтилъ, что подобный актъ вызоветъ крупныя политическія осложненія. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что державой, наиболѣе заинтересованной въ балканскомъ вопросѣ, является Австрія.

При этихъ словахъ лица всѣхъ присутствующихъ стали еще болѣе серьезными.

Каждый ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ трактуемомъ вопросѣ: рѣчь шла о балканской войнѣ.

Кидерленъ-Вехтеръ продолжалъ:

— Основываясь на этомъ, его величество желалъ созвать эту тайную конференцію, чтобы мы выяснили вопросъ между собой. Очень жаль, что рѣчь о Балканахъ не подымалась раньше. Чтобы успѣть дать знать нашимъ правительствамъ о результатахъ сегодняшняго совѣщанія я предлагаю назначить слѣдующую конференцію на будущую среду.

XV.

Эта конференція не состоялась никогда. Делегаты были отозваны до срока. Предложеніе Кидерленъ-Вехтера было, однако, единогласно одобрено. Конференція, повидимому, закончилась.

Кидерленъ-Вехтеръ обратился ко мнѣ, называя меня вымышленнымъ именемъ:

— Бамбергеръ, соберите, пожалуйста, всѣ бумаги и сожгите ихъ, а вы, господа,—обратился онъ къ делегатамъ,—выберите и отложите тѣ записки, которыя вы желаете сохранить.

Молодой англичанинъ отобралъ этихъ записокъ цѣлую груду.

Оставшіеся листы бумаги я принялся бросать въ пылающій каминъ, предварительно пробѣгая глазами содержаніе. Эти записки представляли собой какъ бы анкету о силахъ каждой изъ державъ, представители которыхъ собрались здѣсь. Англичане тщательно отмѣтили число войскъ, которое могла бы выставить въ случаѣ войны Германія. Кидерленъ-Вехтеръ записалъ количество морскихъ силъ Англіи. Австрійскій делегатъ сдѣлалъ то же самое по отношенію Германіи и въ Англіи.

Въ то время, какъ я сжигалъ одинъ документъ за другимъ, фонъ-Херингенъ, отозвавъ въ сторону лорда Х., замѣтилъ конфиденціально:

— Мы всегда готовы выставить три съ половиной милліона людей, не считая резервовъ. Австрія, согласно нашему послѣднему договору, выставитъ два милліона.

Лордъ Х. тихо отвѣтилъ ему что то.

Адмиралъ фонъ-Тирпицъ бесѣдовалъ въ это время съ молодымъ англичаниномъ, который не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и адмиралъ говорилъ частью по-французски, частью по-англійски:

— Конечно, въ случаѣ какихъ-либо неожиданныхъ событій, мы будемъ рассчитывать на Англію. Вашему флоту будетъ, гдѣ проявить себя.

Англичанинъ ограничился осторожной репликой:

— Могутъ встрѣтиться препятствія. Напримѣръ, Соединенные Штаты могутъ встать между нами.

Адмиралъ возразилъ энергично.

— Пустяки. У Соединенныхъ Штатовъ слишкомъ много своего дѣла, чтобы втягиваться въ подобный конфликтъ. Имъ нуженъ флотъ для своей собственной страны.

Кидерленъ-Вехтеръ и Морицъ фонъ-Ауфенбергъ оживленно обсуждали въ это время балканскій вопросъ.

До меня долетѣла фраза австрійскаго генерала:

— Безъ сомнѣній, мы будемъ призваны въ качествѣ посредниковъ.

Кидерленъ-Вехтеръ отвѣтилъ:

— Мы рассчитываемъ на васъ.

Для меня было ясно, что Австрія приложить всѣ усилія для скорѣйшаго разрѣшенія балканскаго вопроса...

Я могу также завѣрить, что если во время балканской войны миръ въ Европѣ не былъ нарушенъ, то этимъ мы обязаны секретной конференціи въ Таунусскомъ лѣсу.

XVI.

Возвратясь изъ Шлангенбада, я отправился на климатическую станцію Альбекъ, въ расчетъ немножко отдохнуть и полечиться. Но курсъ моего леченія былъ вскорѣ же прерванъ телеграммой изъ Берлина, въ которой мнѣ предлагалось „возвратиться, какъ только это будетъ возможно“.

Формула была очень вѣжливая, но я зналъ, что подъ ней скрывается категорическое приказаніе—„возвращайтесь немедленно“ и телеграфировалъ, что я выѣзжаю тотчасъ же.

Такая зависимость отъ Вильгельмштрассе и такое слѣпое повиновеніе каждому приказу оттуда всегда удручали меня, но я зналъ, что это—неизбѣжный минусъ моей профессіи, и что если мой отпускъ преры-

вается такъ внезапно, то, значить, для этого есть важныя причины.

На этотъ разъ, мнѣ казалось, что въ дѣло будетъ замѣшанъ все тотъ же злополучный балканскій вопросъ, которому Германія и Австрія придавали огромное значеніе.

Послѣ русско-японской войны, въ Германіи считали силу и мощность Россіи нѣсколько ослабшими и пошатнувшимися. Австрія использовала это обстоятельство для аннексіи Босніи и Герцеговины и сдѣлала это съ одобренія и при поддержкѣ Германіи.

Но вотъ, къ общему изумленію, Россія, принявъ энергичное участіе въ балканскихъ событіяхъ, сумѣла объединить подъ своей эгидой сербовъ, болгаръ, черногорцевъ и грековъ, бывшихъ доселѣ непримиримыми врагами. По настоянію Россіи, наслѣдннй принцъ сербскій посѣтилъ болгарскую столицу,—и результатомъ этого посѣщенія явилось... балканское соглашеніе.

Начались тайныя приготовленія къ возрожденію „великой Сербской имперіи“. Государственные дѣятели Румыніи въ то же время заговорили подъ шумокъ о присоединеніи Трансильваніи и Буковины.

На Балканахъ все разрасталось глухое броженіе, несомнѣнно, кѣмъ то поддерживаемое и поощряемое. Балканскія народности снабжались деньгами и оружіемъ... Онѣ располагали средствами, превышающими ихъ государственные доходы, у нихъ были отлично организованныя арміи...

Германія и Австрія имѣли основаніе бросать въ сторону Балканъ тревожные взгляды.

По прибытіи въ Берлинъ, я тотчасъ же направился къ себѣ домой.

Меня встрѣтилъ встревоженный Кимъ:

— Къ вамъ пришелъ какой то господинъ,—заявилъ

онъ таинственнымъ тономъ.—Я не хотѣлъ впускать его, говорилъ ему, что васъ нѣтъ дома, и что вы никого не принимаете у себя, но онъ настаивалъ и увѣрялъ, что долженъ непременно видѣть васъ сегодня.

Крайне заинтересованный, я вошелъ въ маленькій салонъ.

Тамъ меня ждалъ помощникъ графа фонъ-Веделя, нѣкій господинъ Штаммеръ, съ которымъ я былъ очень мало знакомъ.

Штаммеръ встрѣтилъ меня словами:

— Мы получили вашу телеграмму изъ Альбека, докторъ, и такъ какъ графъ Ведель долженъ былъ уѣхать, то онъ поручилъ мнѣ передать вамъ всѣ инструкціи, необходимыя для того дѣла, ради котораго васъ вызвали сюда.

Я предложилъ Штаммеру сигару. Онъ закурилъ, устроился въ креслѣ поудобнѣе и замѣтилъ съ улыбкой.

— Теперь будьте весь вниманіе: вамъ предстоитъ поѣхать въ Бѣлградъ, гдѣ вы должны выяснить, каково тамъ политическое положеніе. Разумѣется, вамъ важнѣе всего знать подкладку тѣхъ событій, которыя происходятъ на Балканахъ, и опредѣлить степень вліянія Россіи на Бѣлградъ и на Софію.

Если вы ничего не добьетесь въ Бѣлградѣ, то вамъ придется отправиться въ столицу Болгаріи. Самое главное, это—не терять времени. Тайные австрійскіе агенты могутъ дать вамъ кое-какія полезныя указанія, но ни одного изъ этихъ агентовъ я бы не совѣтовалъ вамъ брать съ собой, такъ какъ всѣ они извѣстны русскимъ агентамъ на Балканахъ.

Въ Будапештѣ вы обратитесь къ нѣкому Казимиру Ковальскому; онъ живетъ на Дунайской улицѣ, 24. Это—одинъ изъ лучшихъ австрійскихъ информаторовъ. Вы знаете его?

Я отвѣтилъ отрицательно, и Штаммеръ продолжалъ:

— Можетъ быть, поѣздка въ Бѣлградъ кажется вамъ нѣсколько опасной послѣ одной вашей прежней миссіи, ради которой вы однажды уже были въ Сербіи?

Штаммеръ намекалъ на одно приключеніе, бывшее со мной въ Бѣлградѣ въ 1909 году и едва не стоившее мнѣ жизни.

Я задумался.

На Балканахъ у меня было два непримиримыхъ врага: полковникъ Н. и нѣкій С.

Полковникъ,—я зналъ это навѣрное,—былъ недавно убитъ. Господинъ же С. благополучно здравствовалъ и, если бы ему случилось встрѣтиться со мной и узнать меня, онъ бы свелъ старые счеты. Во всякомъ случаѣ, эта поѣздка и вся эта новая навязываемая мнѣ миссія, мнѣ весьма и весьма не нравились.

Штаммеръ замѣтилъ это.

— Вамъ не хочется брать на себя это порученіе? Но, какъ же быть? Вы—единственный агентъ, которому мы могли бы довѣрить это дѣло.

Польстивъ мнѣ, такимъ образомъ, онъ добавилъ, однако, что мой отказъ произведетъ очень непріятное впечатлѣніе на Вильгельмштрассе и далъ мнѣ понять, что впослѣдствіи мнѣ ужъ не будутъ поручать ничего интереснаго.

— На этотъ разъ сумма, обычно выдаваемая на дорогу, будетъ удвоена,—замѣтилъ онъ вскользь.

Я быстро подсчиталъ въ умѣ: „Порученіе“ займетъ у меня 3—4 недѣли. За это время я, слѣдовательно, заработаю 12.500 марокъ, не считая вознагражденія, которое я получу въ случаѣ, если миссія моя будетъ выполнена удачно.

Перспектива была заманчивой, но я все-таки, не рѣшился сразу дать согласіе и попросилъ разрѣшенія подумать.

Штаммеръ далъ мнѣ сроку до полуночи. Къ этому времени я долженъ сообщить ему по телефону мое рѣшеніе. Я знаю, что признаніе, которое я сдѣлаю сейчасъ, покажется смѣшнымъ и наивнымъ, но дѣло въ томъ, что я вывезъ изъ Африки и изъ Индіи нѣкоторую долю мистицизма и суевѣрія. У меня есть глупая, нелѣпая, смѣшная привычка совѣтоваться съ картами и вѣрить имъ.

Я раскладываю особый родъ пасьянса (такъ назыв. „Наполеоновскій пасьянсъ“, изобрѣтенный будто бы Наполеономъ въ періодъ заточенія его на островѣ св. Елены). Если этотъ пасьянсъ выйдетъ хоть одинъ разъ изъ трехъ, то это доброе предзнаменованіе, указывающее, что дѣло, за которое я собираюсь взяться, удастся.

Наполеоновскій пасьянсъ никогда не обманывалъ меня. Было два случая, когда я не повѣрилъ ему, и въ обоихъ случаяхъ я долженъ былъ раскаться въ этомъ.

По уходѣ фонъ-Штаммера я тотчасъ же принялся раскладывать пасьянсъ. Онъ удался на второй разъ.

Я тотчасъ же телефонировалъ Штаммеру, что согласенъ ѣхать.

Онъ прислалъ мнѣ деньги и послѣднія инструкціи, и въ три часа ночи экспрессъ уже мчалъ меня изъ Берлина. Въ Будапештѣ я пробылъ одинъ день у австрійскаго агента Ковальскаго.

Онъ указалъ мнѣ на нѣкоторыхъ лицъ, которыя могли быть мнѣ полезны въ Бѣлградѣ. Среди нихъ было особенно много женщинъ.

Я запомнилъ ихъ имена и адреса и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Будапешта. На слѣдующій день я уже завтракалъ въ Бѣлградѣ, въ Hôtel de Paris, гдѣ былъ заранѣе заказанъ лучший номеръ.

Въ мои планы входило сразу же показать, что я не стѣсняюсь въ средствахъ, и вести такой блестящій

образъ жизни, который импонировалъ бы бѣлградцамъ, претендующимъ на парижскій шикъ и парижскія привычки.

XVII.

Живя въ Бѣлградѣ, я устроилъ нѣсколько парадныхъ обѣдовъ, на которые были приглашены мои новые сербскіе знакомые и друзья.

Среди послѣднихъ я особенно отличалъ нѣкоего майора Горскаго. Это былъ любитель весело пожить и страстный игрокъ.

Ковальскій, указывая мнѣ на него, высказалъ предположеніе, что майоръ состоитъ на службѣ шпионажа у одной иностранной державы, но это, во всякомъ случаѣ, не могло служить препятствіемъ къ нашей дружбѣ.

Послѣ обѣда я, обыкновенно, затѣвалъ картежную игру и старался устраивать такъ, чтобы майоръ былъ моимъ партнеромъ, при чемъ я всегда проигрывалъ ему.

Это обстоятельство нравилось добродушному жуиру, который не привыкъ къ выигрышамъ, и который, поэтому то, предпочиталъ играть со мной.

Я рассчитывалъ, что за карточнымъ столомъ, при посредствѣ бутылки добраго вина, у майора скорѣй развяжется языкъ, но этотъ весельчакъ и балагуръ умѣлъ иногда быть настоящимъ молчальникомъ и ловко уклонялся отъ всѣхъ „подозрительныхъ“ вопросовъ.

Я часто встрѣчалъ его въ обществѣ одной молодой особы, выдававшей себя за француженку и называвшейся Ренэ Д.

Мнѣ не трудно было узнать, что она близка къ майору и что онъ страстно любимъ ею.

Убѣдившись въ этомъ, я рѣшилъ завязать съ этой женщиной болѣе близкое знакомство и приобрести въ ней сообщницу.

Какъ и большинство бѣлградскихъ обитательницъ, Ренэ Д. была чрезвычайно расточительна. Она любила азартныя игры, проигрывала помногу и постоянно сидѣла безъ денегъ.

Однажды я ссудилъ ей пятьсотъ франковъ. Съ тѣхъ поръ она стала смотрѣть на меня, какъ на своего друга.

Мнѣ важно было узнать, состоитъ ли она агентомъ какой-нибудь державы и для этого мнѣ хотѣлось, прежде всего, опредѣлить ея національность.

Молодая женщина великолѣпно усвоила языкъ, манеры и типъ французенки. Но какое то чутье подсказывало мнѣ, что она играетъ комедію.

Я принялся слѣдить за нею и старался какъ можно чаще бывать въ ея обществѣ.

Однажды она пригласила меня къ себѣ на ужинъ. Было много гостей, и я надѣялся, что послѣ ужина, выпивъ лишній бокаль вина и увлекшись азартной игрой, Ренэ чѣмъ-нибудь выдастъ себя.

Я исподволь наблюдалъ за ней, но мои ожиданія казались тщетными.

Вдругъ я замѣтилъ, что молодая женщина встала, вышла въ сосѣдную комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, грызя конфеты. Въ рукахъ у нея была маленькая коробочка, взглянувъ на которую, я вздрогнулъ отъ радости.

Эти конфеты были особымъ родомъ фруктовыхъ леденцовъ-монпасе, употребляемыхъ исключительно въ Россіи и являющихся спеціальностью одной московской фирмы.

Нужно было или быть москвичкой, или долго жить въ Россіи, чтобы пріучиться къ этому лакомству.

Я немедленно же телеграфировалъ въ Берлинъ и Вѣну, прося навести справки о такой то особѣ и помочь мнѣ выяснить не прибыла ли она изъ Россіи и не авантюристка ли она?

Черезъ сорокъ восемь часовъ я получилъ отвѣтъ.

Ренэ Д. была отлично извѣстна австрійской полиціи. Она держала въ Галиціи игорный притонъ и принуждена была спастись бѣгствомъ послѣ одного грандіознаго скандала, происшедшаго съ ней въ Краковѣ. Она была извѣстна подъ именемъ Паулы, и полиція разыскивала ее.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я отправился къ m-lle Д., выбравъ такой часъ, когда ее можно было застать наединѣ.

Я принесъ ей въ подарокъ флаконъ духовъ и послѣ нѣсколькихъ банальныхъ фразъ озадачилъ ее вопросомъ:

— Вы не жалѣете, что покинули Краковъ, милая Паула?

Она вскрикнула и откинулась на спинку стула. Я знаю, что приѣмъ, примѣненный мною, не былъ рыцарскимъ по отношенію къ женщинѣ, но иногда необходимо схватить непріятеля за горло, и къ тому же женщины, состоящія на службѣ шпіонажа, для меня не женщины.

— Боже мой! Боже мой! Откуда вы знаете?

Она едва имѣла силы пролепетать это.

Я отвѣтилъ спокойно:

— Объ этомъ моя крошка, мы потолкуемъ потомъ. Имѣйте только въ виду, что я знаю очень многое. Австрійская полиція весьма желала бы получить сейчасъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ вы. Извѣстить ее?

Паула немножко оправилась и, взглянувъ на меня въ упоръ, спросила:

— Сколько вы возьмете за молчаніе?

Я засмѣялся.

— Ничего не возьму, дитя мое. Если вы откажетесь отъ своихъ прямыхъ обязанностей и поможете мнѣ найти то, что я ищу, то я буду нѣмъ, какъ рыба, и въ Вѣнѣ ничего не узнаютъ о васъ. Вы должны только обѣщать мнѣ не показывать больше носа въ Россію.

Она притворилась удивленной.

— Въ Россію? Но я не имѣю ничего общаго съ Россіей!

— Неужели?

Я взялъ съ ея рабочаго столика коробочку, наполненную все тѣми же предательскими фруктовыми леденцами, и показалъ ее молодой женщинѣ.

— Вы очень неосторожны, милая Паула. Какъ же можно отрекаться отъ всякой связи съ Россіей и держать у себя на столѣ конфеты русской, московской фирмы, конфеты, которыя вы могли научиться кушать только въ Россіи!

Стараясь скрыть свое смущеніе, она пробормотала:

— Въ концѣ концовъ, что вы хотите отъ меня?

— Я хочу, милая Паула (это имя каждый разъ заставляло ее вздрагивать), я хочу, чтобы вы, прежде всего, не вели двойной игры. Вамъ очень легко устранить меня съ вашего пути...

Увы! Это была правда. Среди своихъ поклонниковъ Паула всегда могла найти желающаго пырнуть меня кинжаломъ, пожаловавшись ему, что я оскорбилъ ее. Охотниковъ заступиться за эту хорошенькую женщину нашлось бы не мало. Могло бы случиться и такъ, что мнѣ послали бы вызовъ на дуэль. Пришлось бы драться, и вся эта исторія вызвала бы слишкомъ много шума въ Бѣлградѣ.

— Имѣйте въ виду, Паула, что я по четыре раза въ день сношусь съ Вѣной по телеграфу. Если случится такъ, что одна изъ моихъ телеграммъ своевременно не будетъ получена въ Вѣнѣ (а это можетъ случиться только въ случаѣ моей внезапной смерти), то не пройдетъ и часа, какъ вы будете арестованы по указу императора австрійскаго. Никто изъ вашихъ друзей не рискнетъ, защищая васъ, оскорбить Австрію.

Она бросила на меня взглядъ, полный ненависти.

Я же продолжалъ спокойнымъ тономъ:

— Вы спрашивали, чего я хочу отъ васъ? Вотъ чего: въ рукахъ майора Горскаго находится ключъ отъ тѣхъ интригъ, которыя ведутся здѣсь. Я долженъ владѣть этимъ ключомъ. Вы присланы сюда для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями майора, но вы не такъ хорошо освѣдомлены, какъ онъ. Я требую, чтобы вы во что бы то ни стало выпытали отъ него все свѣдѣнія, которыми онъ располагаетъ. Если вы не сдѣлаете этого, за ваше упрямство поплатится Горскій. Вы любите его? Да? Такъ знайте же, что онъ въ моей власти.

Горскій отнюдь не былъ въ моей власти, я выдумалъ это, но послѣдняя моя фраза подѣйствовала сильнѣе всехъ другихъ аргументовъ.

Моя собесѣдница спросила угрюмо:

— А какія гарантіи я получу отъ васъ?

Я пожалъ плечами.

— Здравый смыслъ долженъ подсказывать вамъ, что, если я добьюсь того, ради чего я сижу здѣсь, то вы мнѣ не нужны больше, и я оставлю васъ въ покоѣ. Краковская исторія будетъ забыта, а отъ меня вы получите маленькій подарокъ. (Я, дѣйствительно, распорядился, чтобы изъ Берлина ей выслали 5.000 марокъ, что, кажется, и было сдѣлано)...

На слѣдующее утро ко мнѣ явился майоръ Горскій.

Онъ былъ взволнованъ и нервно настроенъ, но я, не щадя его, сразу же приступилъ къ дѣлу.

— М-л-е Д. рассказала вамъ все? Отлично. Я только предупреждаю васъ, что мнѣ смертельно надоѣла жизнь въ Бѣлградѣ, и я, какъ можно скорѣй, хочу приступить къ прерванному леченію на балтійскомъ пляжѣ. Если у васъ есть что сообщить мнѣ, говорите скорѣй. Меня интересуетъ лишь то, что происходитъ здѣсь и въ Румыніи. Другихъ свѣдѣній мнѣ не надо. Слѣдить за вашей дальнѣйшей дѣятельностью я не стану, и, какъ только покину Бѣлградъ, забуду о васъ навсегда. Ну?

Онъ попытался, было, возразить:

— Но я ничего не знаю о румынскихъ дѣлахъ и...

Я перебилъ его:

— Это вздоръ. Вы знаете все. И это все мнѣ нужно вытянуть отъ васъ. М-л-е Д.,—я хотѣлъ сказать— Паула,—вѣроятно, освѣдомила васъ, что вы и она находитесь не въ такомъ положеніи, чтобы отказывать мнѣ.

Горскій больше не протестовалъ. Я узналъ отъ него всѣ интересовавшія меня подробности и немедленно же уѣхалъ въ Берлинъ.

Результатомъ моей миссіи въ Бѣлградъ было то, что Германія и Австрія приняли всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать балканской коалиціи, которая, въ случаѣ войны, повела бы къ тому, что Германіи пришлось бы сражаться съ соединенными балканскими народами и съ русской арміей, выставивъ противъ нея, по крайнеи мѣрѣ, половину своего войска и располагая лишь второй половиной для операцій противъ Франціи и на границахъ Нидерландовъ.

Силы могли бы оказаться неравными, и, избѣгая опасности, Германія должна была напрячь всѣ силы, чтобы воспрепятствовать этой коалиціи...

Еще одно слово: въ Бѣлградѣ никто не знаетъ доктора Армгаарда Карла Грава, но зато многимъ кутящимъ и веселящимся бѣлградцамъ хорошо извѣстно имя графа Артура де-Вернигродъ.

XVIII.

Поручаемыя мнѣ секретныя миссіи стали все учащаться.

1911 годъ былъ критическимъ годомъ для Европы. Занавѣсъ надъ назрѣвавшими великими событіями былъ еще спущенъ, царила видимая тишина, но слишкомъ явно чувствовалось, что это затишье передъ бурей.

Во всѣ государства какъ-будто копили свои силы для неизбежнаго трагическаго финала.

Однажды меня снова экстренно вызвали на Вильгельмштрассе, гдѣ я, къ своему изумленію, встрѣтилъ вмѣсто графа фонъ-Веделя, моего бывшего шефа фонъ-Таппкена. Онъ предложилъ мнѣ взять на себя новое порученіе: отправиться въ Англію.

Предложеніе мнѣ рѣшительно не улыбалось: я зналъ, что въ Англіи шпіоны стали за послѣднее время объектами усиленнаго наблюденія, и что палата общинъ вотировала законъ, согласно которому „лица, уличенныя въ намѣреніи нарушить безопасность Великобританской имперіи, присуждаются къ семи годамъ принудительныхъ работъ“.

Проведеніе такого закона послѣдовало послѣ того, какъ въ теченіе шести мѣсяцевъ въ Англіи было задержано три германскихъ шпіона.

Этой эпидеміи рѣшено было положить конецъ.

Бдительность англійской полиціи и строгость англійскихъ судей были мнѣ хорошо извѣстны. Я зналъ

также, что принудительныя работы въ Англіи—сущій адъ, и что вступить на территорію Великобританіи легко, но выбраться оттуда иногда бываетъ очень трудно. Все это вмѣстѣ взятое заставляло меня относиться къ новой миссіи съ большою осторожностью.

Къ тому же меня томило мрачное предчувствіе, а мои предчувствія никогда не обманывали меня.

Фонъ-Талпкенъ познакомилъ меня съ тремя морскими инженерами. Одинъ изъ нихъ былъ специалистъ по морскимъ сооруженіямъ, другой—по маякамъ и сигналамъ, третій—по минамъ и взрывамъ.

Всѣ трое принялись „натаскивать“ меня, каждый въ своей области.

Скоро я сталъ обнаруживать такія успѣхи, что мои руководители начали настаивать на моемъ немедленномъ отъѣздѣ въ Англію, гдѣ я долженъ былъ собрать точныя свѣдѣнія о морскихъ силахъ Великобританіи.

Всѣ мои донесенія въ Берлинъ и всѣ инструкціи, посылаемыя мнѣ изъ Берлина, должны были идти черезъ „корреспондента-посредника“, жившаго въ Брюсселѣ.

Адресъ его былъ: Брюссель, д. V. N. улица Б. 34. Ledit N.

На случаѣ, если бы полиція напала на слѣдъ этого посредника, въ запасѣ оставались еще двое: одинъ въ Копенгагенѣ, другой въ Парижѣ.

Изъ Брюсселя всѣ письма направлялись сперва въ Лондонъ, владѣльцу табачной лавочки, а ужъ оттуда доставлялись мнѣ въ Шотландію.

Когда черезъ шесть часовъ послѣ моего ареста въ Глазго, полиція Скоттландъ-Ярда нагрянула въ скромную табачную лавочку на окраинѣ Лондона, тамъ ужъ не оказалось ни души.

Брюссельскій посредникъ также успѣлъ благополучно скрыться.

Я отправился къ мѣсту моего назначенія, въ Единбургъ, выбравъ путь черезъ Голландію и Гарвичъ и, минуя Лондонъ, гдѣ на вокзалахъ караулили проходящіе поѣзда англійскіе сыщики и агенты Скоттландъ-Ярда.

Въ Единбургѣ я поселился сперва въ отелѣ Берфордъ на *Princés Street*, а затѣмъ переехалъ въ пансіонъ нѣкоей *madame M.*

Я назвался докторомъ Грэвсомъ, изъ Туро (Австралія), пріѣхавшимъ усовершенствоваться въ медицинскіхъ наукахъ и прослушать курсъ знаменитаго единбургскаго университета.

Чтобы объяснить мои довольно частыя отлучки, я ссылаясь на разстроенные нервы и слабое здоровье, которое требуетъ частой перемѣны климата и новыхъ впечатлѣній.

Чаще всего я совершалъ экскурсіи въ Розитъ. Это—знаменитая морская база въ Шотландіи. Путь туда идетъ черезъ длиннѣйшій мостъ, подъ которымъ проходятъ суда.

На этотъ мостъ я рѣшилъ обратить исключительное вниманіе.

Вскорѣ мнѣ удалось завязать знакомство съ однимъ изъ сторожей, охранявшихъ мостъ.

Этотъ добродушный парень далъ мнѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній, не подозревая, что совершаетъ государственное преступленіе. Я никогда не подкупалъ его, и онъ не получилъ отъ меня ни гроша денегъ. Время отъ времени я только угощалъ его стаканчикомъ виски. Попивая ее, онъ рассказывалъ мнѣ о военныхъ сооруженіяхъ Розита, территорію котораго онъ изучилъ великолѣпно.

Для того, чтобы ознакомиться съ техническимъ устройствомъ фортовъ, я вскользь и очень осторожно спрашивалъ объ этомъ офицеровъ и инженеровъ арсенала, съ которыми мнѣ удалось познакомиться. Однажды мой пріятель-сторожъ доложилъ мнѣ, что ночью изъ Розита выйдутъ въ море суда.

Я всю ночь провелъ на мосту.

Въ шестомъ часу утра я сталъ различать сквозь туманъ обозначающіяся очертанія цѣлой эскадры.

Такъ какъ я уже владѣлъ искусствомъ отличать типы судовъ по ихъ силуэтамъ, то мнѣ удалось насчитать 16 судовъ,—дредноутовъ, крейсеровъ и контръ-миноносцевъ.

Подобно призракамъ, выплывали они изъ предутренней мглы.

Я тотчасъ записалъ свои наблюденія и послалъ въ Берлинъ подробный докладъ.

XIX.

Послѣ моего трехдневнаго пребыванія въ Эдинбургѣ, я сталъ вдругъ замѣчать, что за мной наблюдаютъ.

Поводомъ къ этому послужилъ слѣдующій инцидентъ:

Однажды, придя къ себѣ домой (это было послѣ полудня), я замѣтилъ, что платье въ моемъ шкафу виситъ не такъ, какъ я повѣсилъ его наканунѣ.

Я позвалъ хозяйку квартиры и самымъ невиннымъ тономъ спросилъ ее, не приходилъ ли въ мое отсутствіе мой портной?

Она отвѣтила отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, кто же трогалъ мое платье?

Вопросъ привелъ ее въ смущеніе. Она покраснѣла и пробормотала:

— Не знаю... Я не входила въ вашу комнату... Но, можетъ быть, кто-нибудь изъ служанокъ впустилъ портного, такъ, что я не замѣтила?.. Я припоминаю теперь: къ вамъ, дѣйствительно, приходилъ кто то...

Я не настаивалъ на дальнѣйшихъ объясненіяхъ, но въ тотъ же день отправился къ моему портному и узналъ, что онъ не былъ у меня.

Рѣшивъ удостовѣриться, случайность ли это, или, дѣйствительно, за мной слѣдятъ, я сдѣлалъ опытъ:

Отправившись на слѣдующій день въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ на Prince's Street, я пообедалъ тамъ и послѣ обѣда прошелъ въ маленькій салонъ для чтенія. Тамъ я написалъ нѣсколько словъ на листкѣ бумаги и, нарочно уронивъ этотъ листокъ на полъ, вышелъ.

Когда я черезъ нѣсколько минутъ вернулся, листка уже не было.

Слуга сказалъ мнѣ, что какой то господинъ поднялъ этотъ листочекъ, не читая положилъ его въ карманъ и ушелъ.

Итакъ, опытъ блестяще подтвердилъ мои опасенія.

На этотъ разъ, положимъ, оброненный мной листокъ не открылъ слѣдившему за мной сыщику ничего интереснаго. Я просто-на-просто, написалъ греческими буквами строчку изъ одного англійскаго дѣтскаго стихотворенія:

„Mary had a little lamb!“ („У Мэри былъ маленькій барашекъ!“). Но фактъ былъ установленъ: за мной слѣдили.

Не медля ни минуты, я отправился въ эдинбургскій комиссаріатъ и послалъ свою карточку старшему комиссару, мистеру Россъ.

Тотъ сейчасъ же принялъ меня.

Войдя, я тотчасъ поставилъ вопросъ ребромъ:

— Имѣете вы какія-нибудь основанія предполагать, что я—нѣмецкій шпіонъ?

Комиссаръ, сдѣлавъ видъ, что онъ крайне удивленъ, пробормоталъ:

— Абсолютно никакихъ.

— Вы никого не уполномачивали слѣдить за мной? Эта слѣжка происходитъ безъ вашего вѣдома?

— Но... почему вы думаете, что за вами слѣдятъ?— уклонился онъ отъ прямого отвѣта.

— Потому, что одинъ изъ вашихъ агентовъ, явившись въ мое отсутствіе въ мою комнату, рылся въ моемъ платьѣ. Вамъ извѣстно, что подобные поступки запрещены англійскими законами и для того, чтобы отважиться на нихъ, нужно имѣть специальное предписаніе. Если вы считаете меня шпіономъ,—скажите прямо, если нѣтъ,—велите прекратить всю эту комедію, которая начинается мнѣ надоѣдать.

Коммисаръ, въ раздумьи, помолчалъ съ минуту, и, наконецъ, признался откровенно:

— Вы правы, докторъ. Мы, дѣйствительно, получили нѣкоторыя приказанія, касающіяся васъ. Но теперь я вижу, что здѣсь кроется какое то недоразумѣніе. Мы на ложномъ пути... Будьте увѣрены, что больше васъ не будутъ беспокоить.

Мы вѣжливо распрощались.

Я ушелъ отъ него въ полной увѣренности, что слѣжка за мной будетъ продолжаться, но мнѣ надо было только выиграть, какъ можно больше времени и торопиться располагать собой, пока еще не грозитъ непосредственной опасности.

Черезъ недѣлю послѣ моей бесѣды къ комиссаромъ, я узналъ, что фирма Вилліамъ Бэрдморъ и К^о въ Глазго изготовляетъ, за счетъ англійскаго правительства, новыя 14-ти дюймовыя пушки.

Нужно было собрать на этотъ счетъ точныя свѣдѣнія.

Я отправился въ Глазго.

XX.

Въ Глазго я прожилъ нѣсколько недѣль, поселившись въ Central Station Hotel.

Интересовавшія меня подробности о новыхъ пушкахъ и техническихъ усовершенствованіяхъ англійской артиллеріи мнѣ удалось добыть довольно скоро. Какимъ путемъ сдѣлалъ я это,—слишкомъ долго рассказывать, да это и не представляетъ большого интереса. Всю корреспонденцію въ Глазго мнѣ адресовали до востребованія, на имя Джэмса Стаффорда.

Первыя два письма я получилъ безъ всякихъ затрудненій. Когда же я явился за третьимъ, почтовый чиновникъ заявилъ мнѣ, что есть письма на имя Стаффорда, но инициалы поставлены: М. А., тогда какъ я именую себя Джэмсомъ.

Я попробовалъ возразить:

— Все равно, это письмо адресовано мнѣ.

Но чиновникъ не сдавался:

— Тѣмъ не менѣе, я не имѣю права отдавать вамъ письма съ другими инициалами.

Человѣку, находившемуся въ моемъ положеніи, было бы неудобно настаивать, и я покорился, тѣмъ болѣе, что былъ убѣжденъ въ осторожномъ и не дающемъ никакого повода къ подозрѣнію, содержаніи письма...

Увы! Я ошибся.

Дѣло было не только въ томъ, что мои корреспонденты изъ Берлина составили письмо недостаточно осторожно, но и въ томъ, что моя „передаточная стан-

ція“, находившаяся въ Брюсселѣ, допустила непростительную оплошность.

Условлено было такъ. Изъ Берлина всѣ письма посылались мнѣ въ конвертахъ, адресованныхъ на имя доктора Грэвса. Въ Брюсселѣ же первый конвертъ перекладывался во второй — съ бланкомъ известной фармацевтической фирмы Burroughs et Wellcome. Snow Hill. London. Эти конверты были заказаны нарочно, такъ какъ никому не могло бы показаться страннымъ, что фармацевтическая фирма посылаетъ письма врачу.

Переѣхавъ въ Глазго и начавъ пользоваться услугами *poste restante*, я просилъ моихъ корреспондентовъ не пользоваться болѣе конвертами съ бланками.

Въ двухъ первыхъ случаяхъ моя просьба была соблюдена, и я получилъ письма въ простыхъ бѣлыхъ конвертахъ; въ третій же разъ въ Брюсселѣ забыли о моей просьбѣ и снова вложили письмо въ конвертъ съ бланкомъ, ухитрившись еще при этомъ перепутать мои инициалы.

Задержанное и невыданное мнѣ письмо было отослано обратно отправителю, т. е. фармацевтической фирмѣ, адресъ которой стоялъ на бланкѣ.

Тамъ вскрыли конвертъ, нашли письмо, написанное по-нѣмецки, на машинкѣ и пять билетовъ по 10 фунтовъ стерлинговъ. Содержаніе письма показалось настолько страннымъ, что директоръ фирмы счелъ нужнымъ передать его полиціи.

Вечеромъ, 10-го марта, когда я одѣвался къ обѣду, мальчикъ, служившій въ отелѣ, доложилъ мнѣ, что внизу въ вестибюлѣ меня ждетъ какой-то господинъ. Тревожное предчувствіе охватило меня. Наша профессія дѣлаетъ изъ насъ фаталистовъ, и на этотъ разъ какой-то внутренній голосъ подсказалъ мнѣ, что я не уйду отъ судьбы.

Положивъ во внутренній карманъ моего костюма мѣшечекъ съ перцемъ и съ порохомъ, растертымъ въ порошокъ, — лучшее средство засыпать глаза, — я со спокойнымъ видомъ спустился внизъ.

Я едва успѣлъ дойти до вестибюля, какъ на меня набросились четыре человѣка и схватили меня за руку.

Я понялъ, что сопротивляться бесполезно. Если бы я даже вздумалъ пустить въ ходъ снадобье изъ моего мѣшечка и, засыпавъ моимъ „непріателямъ“ глаза, спастись бѣгствомъ, то все равно меня задержали бы, не въ отелѣ, такъ на улицѣ, и я бы не выбрался изъ Глазго.

Самое лучшее было — подчиниться обстоятельствамъ, что я и сдѣлалъ, лишь изъ какого-то озорства не удержавшись отъ вопроса:

— За что меня арестуютъ?

Инспекторъ, сопровождавшій агентовъ, отвѣтилъ:

— Скоро узнаете.

Онъ приказалъ обыскать меня и затѣмъ, вмѣстѣ со мной, отправился въ мой номеръ, гдѣ агенты перерыли всѣ ящики столовъ и всѣ шкафы. Кажется, они были очень удивлены, не найдя ни револьвера, ни бомбъ, ни кинжала.

Когда очередь дошла до осмотра моихъ бумагъ и всей моей корреспонденціи, я попросилъ, чтобы при этомъ присутствовалъ, въ качествѣ свидѣтеля, владѣлецъ отеля, г. Моррисъ, и чтобы былъ составленъ точный списокъ всѣхъ найденныхъ документовъ.

Я настаивалъ на этомъ, зная, что во время процессовъ обвиняемымъ очень часто приписываютъ храненіе такихъ бумагъ, о которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго представленія и которыхъ никогда не видѣли.

Затѣмъ я попросилъ, чтобы мнѣ показали указъ о моемъ арестѣ.

Это было исполнено.

Указъ былъ данъ на основаніи новаго закона, воти-
рованного палатой общинъ. Я обвинялся въ намѣреніи
вредить и угрожать безопасности Великобританской
имперіи.

Ночь я провелъ въ тюрьмѣ въ Глазго, а на слѣ-
дующій день меня препроводили въ Эдинбургъ.

По англійскимъ законамъ, ни одинъ обвиняемый
не можетъ оставаться безъ суда дольше 105 дней.

Это время было использовано до послѣдней минуты,
и до послѣдней минуты отъ меня старались вытянуть
добровольное признаніе. Напрасно!

Противъ меня было выставлено 45 свидѣтелей.
Среди нихъ находились адмиралы, капитаны, морскіе
эксперты, почтовые чиновники и пр., и пр.

Были представители всей европейской печати, такъ
какъ вся Европа интересовалась этимъ процессомъ.
Залъ эдинбургскаго суда былъ переполненъ публикой,
съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдившей за всѣми
перипетіями процесса „германскаго шпіона“.

Судъ начался 23-го іюля 1912 года. Предсѣдатель-
ствовалъ самъ шотландскій Lord Chief Justice, проку-
роромъ былъ знаменитый сэръ Андерсонъ.

Тотъ, кому хоть разъ приходилось быть на засѣда-
ніи англійскаго суда, знаетъ, съ какой торжественной
помпой обставляется этотъ актъ.

Я внимательно наблюдалъ за тѣми, кто принималъ
присягу.

Благодаря моему опыту, я распознавалъ безъ осо-
баго труда каждаго, кто, дѣйствительно, могъ быть
опасенъ мнѣ и чьи обвиненія противъ меня были болѣе,
чѣмъ шатки.

Такихъ было большинство, и я почти не сомнѣ-
вался въ томъ, что буду оправданъ.

Предсѣдатель суда, выразивъ удивленіе, что я не позаботился выбрать себѣ адвоката (у меня былъ защитникъ по назначенію), обѣщалъ взять подъ свою охрану мои интересы. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и часто останавливалъ прокурора, временами немножко увлекающагося.

XXI.

Я отдаю должное шотландскому суду. Мой процессъ былъ образцомъ безпристрастія.

Въ первый же день процесса я имѣлъ горячую стычку съ однимъ изъ свидѣтелей, контръ-адмираломъ Страттонъ-Адэръ, директоромъ заводовъ Бэрдмора въ Глазго, гдѣ изготовлялись 14-ти дюймовыя пушки.

Онъ утверждалъ, что никто въ мірѣ не могъ знать подробностей о сооруженіи этихъ пушекъ, такъ какъ эти подробности можно было получить, лишь проникнувъ непосредственно на заводъ.

Я возражалъ на это.

Между нами начался настоящій техническій поединокъ. Я сыпалъ цифрами, формулами, вычисленіями, и въ концѣ-концовъ, получилось впечатлѣніе, что я знаю объ этихъ пушкахъ больше, чѣмъ самъ директоръ завода, гнѣ онѣ изготовлялись.

Я преслѣдовалъ при этомъ свою цѣль: мнѣ хотѣлось, чтобы сэръ Страттонъ-Адэръ въ пылу спора разоблачилъ, въ видѣ послѣдняго аргумента, кое-какіе техническіе секреты, которыхъ мнѣ еще не удалось узнать, но адмиралъ во время овладѣлъ собой и, обратившись къ предсѣдателю, заявилъ:

— Я нахожу, что дальнѣйшее продолженіе дебатовъ грозитъ опасностью интересамъ государства.

Я продолжалъ пренія съ другимъ экспертомъ,

который, совершенно неожиданно, всталъ вдругъ на мою сторону и замѣтилъ:

— По моему мнѣнію, обвиняемый обладаетъ такимъ блестящимъ техническимъ образованіемъ, что ему достаточно было нѣсколькихъ, случайно подмѣченныхъ, данныхъ, для того, чтобы составить себѣ точное представленіе о конструкціи 14-ти дюймовыхъ пушекъ.

Я могу теперь открыть секретъ: эти „случайныя данныя“ я узналъ отъ женщинъ, близко стоявшихъ къ офицерамъ англійскаго штаба.

На второй день процесса было извлечено на свѣтъ Божій то пресловутое письмо, которое мнѣ не хотѣли выдать на почтѣ и которое послужило причиной моего ареста.

Это письмо прокуроръ прочелъ вслухъ.

„Милостивый государь!

Очень пріятно было узнать объ успѣхѣ вашихъ коммерческихъ сдѣлокъ въ томъ предпріятіи, которое уже налажено. Пожалуйста, пришлите намъ образцы. Что касается другого дѣла, то мы еще не увѣрены, заинтересуетъ ли оно насъ. Во всякомъ случаѣ, наша фирма не можетъ уплатить болѣе ста“.

Подписи не было.

Прокуроръ сдѣлалъ къ этому письму свои комментаріи.

— Письмо, само по себѣ, не вызываетъ подозрѣній,— замѣтилъ онъ,—но припомните, что во время революціи якобинцевъ революціонеры называли въ своей секретной корреспонденціи государства „фирмами“ или „торговыми домами“. Затѣмъ, если это просто дѣловое письмо, то почему оно вложено въ двойной конвертъ и при чемъ здѣсь бланкъ фармацевтической фирмы, которая никогда въ жизни не посылала этого письма? Почему письмо безъ подписи? Почему въ него вло-

жены кредитные билеты? За какое это таинственное „дѣло“ предлагаетъ фирма уплатить таинственную цифру 100? Господа, что здѣсь кроется обманъ—очевидно!

Но, несмотря на всю „очевидность“, этотъ обманъ такъ и остался тайной и для прокурора, и для суда, и для публики, и для всей Великобританіи... Я могу пролить на эту тайну свѣтъ. Упоминаемое въ письмѣ налаженное „предпріятіе“ было не что иное, какъ обнаруженный мной секретъ того взрывчатого вещества, которое изготовлялось спеціально для новыхъ 14-дюймовыхъ пушекъ. Мнѣ удалось добыть небольшое количество этого вещества, и это-то было названо въ письмѣ „образцомъ“.

Взрывчатое вещество не было обнаружено у меня при обыскѣ, такъ какъ я успѣлъ во время передать его на храненіе другому лицу.

XXII.

„Дѣло“, которое будто бы мало интересовало моихъ шефовъ, было въ дѣйствительности дѣломъ чрезвычайной важности: мнѣ поручалось найти еще одного шпиона для Германіи, который состоялъ бы у нея на ежемѣсячномъ жалованіи.

Несмотря на ожиданіе прокурора, загадочное письмо не произвело на моихъ судей большого впечатлѣнія и не показалось имъ неоспоримой уликой.

Я все больше и больше проникался увѣренностью, что спасенъ.

Но вотъ прокуроръ развернулъ какой-то поданный ему документъ, который я мгновенно узналъ и при видѣ котораго у меня подкосились ноги.

Прокуроръ прочелъ этотъ документъ,—два тоненькихъ листочка,—показалъ ихъ судьямъ и усмѣхнулся. На этотъ разъ онъ держалъ меня въ рукахъ.

Точно сквозь сонъ слышалъ я его голосъ:

— Господа, предъ вами документъ, угрожающій безопасности Великобританіи въ такой степени, какой вы и не подозреваете.

Онъ былъ правъ.

На этихъ двухъ листочкахъ были вписаны названія всѣхъ судовъ англійскаго флота, было описаніе всѣхъ морскихъ базъ, были переименованы всѣ укрѣпленія, всѣ мосты, имѣвшіе стратегическое значеніе. На этихъ листочкахъ было больше 10 тысячъ однихъ названій и каждому названію соотвѣтствовалъ номеръ (я помню, напримѣръ, что дредноутъ „Queen Mary“ числился подъ номеромъ 813).

Я уже признавался въ своемъ суевѣріи. Согласитесь же съ тѣмъ, что оно имѣло почву подъ собой. Мой арестъ былъ вызванъ злополучнымъ письмомъ, вложеннымъ въ конвертъ съ бланкомъ фирмы Vignoughs and Wellcome. Мой секретный шифръ былъ начертанъ мной въ каталогъ, изданномъ случайно этой же самой фирмой! Не имѣлъ ли я право видѣть въ этомъ нѣчто фатальное?!

Съ помощью лупы я вписалъ между строчками брошюры, содержащей каталогъ, мельчайшими буквами мой шрифтъ и затѣмъ слегка склеилъ эти страницы.

Когда я узнавалъ, что какія-нибудь суда собираются войти въ портъ или выйти въ море, я тотчасъ же занималъ свой наблюдательный пунктъ, различалъ по очертаніямъ типы этихъ судовъ и ихъ названія, и, примѣняясь къ номерамъ, соотвѣтствующимъ названіямъ, посылалъ телеграммы, въ родѣ: „214, 69, 400, 910, 21“.

Въ Брюсселѣ знали ключъ къ этому шифру и передавали телеграммы въ Берлинъ.

Но то обстоятельство, что теперь этимъ ключомъ

владѣли и мои обвинители, выбивало у меня изъ рукъ всякое оружіе и лишало средствъ защиты.

Я попытался было задать двумъ-тремъ свидѣтелямъ вопросъ, извѣстно ли имъ мое отношеніе къ Англіи, рассчитывая почерпнуть что-нибудь полезное для себя въ ихъ отвѣтахъ, но—увы!—этого не случилось.

Они уклончиво отвѣчали, что не замѣчали за мной враждебнаго отношенія къ Англіи, но что этого недостаточно для опредѣленія,—шпіонъ ли я состоящій на службѣ Германіи, или нѣтъ?

Я сталъ готовиться къ тому, чтобы съ достоинствомъ выслушать приговоръ. Я не сомнѣвался больше въ томъ, что семь лѣтъ принудительныхъ работъ встанутъ предо мной грознымъ призракомъ... Но въ тотъ моментъ, когда прокуроръ уже поднялся, чтобы въ заключительной рѣчи требовать моего осужденія, въ залѣ суда произошло общее волненіе.

Какой-то высокій господинъ въ сѣромъ костюмѣ быстро вошелъ въ залъ, и направился къ прокурору. Его привѣтствовали почтительными поклонами. Прокуроръ, низко склонившись, выслушалъ нѣсколько словъ, сказанныхъ тихимъ голосомъ, и такъ же тихо отвѣтилъ, наклоняя голову въ знакъ своего согласія.

Страшное волненіе охватило меня. Я былъ убѣжденъ, что ко мнѣ будетъ примѣнена какая-то высшая мѣра наказанія.

Но, къ моему великому изумленію, предсѣдатель, Lord Chief Justice, возгласилъ:

— Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, судъ приговариваетъ обвиняемаго къ 18-ти мѣсяцамъ тюрьмы.

И прибавилъ:

— Стража, уведите Армгаарда Карла Грэвса.

По залу пробѣжалъ ропотъ удивленія. Журналисты буквально замерли на своихъ мѣстахъ.

Вмѣсто 7 лѣтъ принудительныхъ работъ, 18 мѣсяцевъ тюрьмы?! Непостижимо!..

Меня отвели сперва въ эдинбургскую тюрьму Carlton Hill, а затѣмъ перевезли въ тюрьму Barlinnie, вблизи Глазго.

Тамъ, точно такъ же, какъ и во время моего процесса, со мной обращались съ вѣжливой предупредительностью и неоднократно задавали мнѣ довольно прозрачные вопросы:

— Зачѣмъ вамъ томиться здѣсь? Вы безъ всякаго труда можете быть освобождены. Развѣ вы не хотите устроить такъ, чтобы васъ выпустили на свободу?

Я видѣлъ, что отъ меня чего-то ждутъ, но рѣшилъ временно пригвориться непонимающимъ.

XXIII.

Я провелъ въ тюрьмѣ пять недѣль, успѣвъ написать за это время большую часть моихъ мемуаровъ.

Однажды утромъ мнѣ сказали, что меня вызываетъ къ себѣ начальникъ тюрьмы, и повели къ нему въ кабинетъ, находившійся при тюремной канцеляріи. Тамъ, кромѣ начальника, я увидѣлъ еще незнакомаго мнѣ господина, въ которомъ я сразу призналъ офицера-кавалериста (у англійскихъ кавалеристовъ есть нѣкоторые, совершенно своеобразные приемы, которые сразу выдаютъ ихъ).

Начальникъ тюрьмы поздоровался со мной и сказалъ:

— Грѣвсъ, этотъ господинъ желаетъ поговорить съ вами. Я оставляю васъ наединѣ.

Онъ поклонился и вышелъ.

Незнакомецъ любезно предложилъ мнѣ сѣсть.

— Меня зовутъ Робинзонъ,—представился онъ и съ добродушной улыбкой спросилъ:

— Какъ вамъ живется здѣсь, докторъ?

— Я не имѣю повода къ жалобамъ,—отвѣтилъ я уклончиво.

— А вамъ не тяжело быть лишеннымъ свободы?

— Разумѣется, тяжело.—Я посмотрѣлъ ему прямо въ лицо,—но я философъ, капитанъ.

Онъ удивленно вскинулъ на меня глаза.

— Откуда вы знаете, что я капитанъ?

— Я всегда могу опредѣлить по первому же взгляду офицера англійской кавалеріи. Болѣе того, я скажу вамъ, что вы служили въ гусарскомъ полку.

Онъ засмѣялся и замѣтилъ самымъ дружелюбнымъ тономъ:

— Карты на столъ, докторъ. Мы знаемъ, что вы работали противъ насъ и служили Германіи. Почему бы вамъ теперь не оказать и намъ нѣсколько услугъ? Что вы думаете на этотъ счетъ?

— Вы должны знать, капитанъ,—замѣтилъ я,—что мы никогда не измѣняемъ тѣмъ, кому служимъ, даже, если за эту измѣну намъ предлагаютъ свободу или большія деньги. Для насъ не секретъ, что наша профессія сопряжена съ большимъ рискомъ, и мы не имѣемъ права жаловаться, если съ нами случается несчастье.

Пока я говорилъ это, капитанъ не сводилъ съ меня взгляда.

— Я ждалъ отъ васъ именно этого отвѣта. Мы ужъ не разъ спрашивали себя, какимъ образомъ могло случиться, что вы, съ вашей дьявольской ловкостью, могли такъ нелѣпо попасть въ ловушку? Мы замѣтили, что во время вашего процесса и здѣсь, въ тюрьмѣ, вы вели и ведете себя съ полнымъ безразличіемъ ко всему окружающему. Вы не дѣлаете никакихъ попытокъ использовать противъ насъ всѣ сред-

ства, которыми вы располагаете... Скажите, васъ не удивила снисходительность вашихъ судей?

— Меня ничто не удивляетъ, капитанъ.

Онъ заговорилъ, понижая голосъ, серьезнымъ, почти суровымъ тономъ:

— Представьте себѣ, что мы доказали бы вамъ... предательство вашего правительства? Представьте, что Германія сознательно подготовила и вызвала вашъ арестъ... Если бы вы убѣдились въ ея вѣроломствѣ, что сдѣлали бы вы?

Мысль о вѣроломствѣ моего правительства уже приходила мнѣ въ голову.

— Если вы докажете мнѣ это, — отвѣтилъ я, — то я готовъ служить вамъ. Но имѣйте въ виду, что, пока я сижу въ камерѣ, за рѣшеткой, я буду глухъ и нѣмъ и не стану вступать ни въ какіе переговоры.

Капитанъ улыбнулся и пожалъ мнѣ руку.

— Я думаю, докторъ, что скоро мы увидимся съ вами внѣ тюремныхъ стѣнъ.

Признаюсь откровенно, что слѣдующія ночи я провелъ почти безъ сна, въ волненіи измѣряя шагами мою камеру.

Прошла недѣля. Разъ, уже поздно вечеромъ, ко мнѣ въ камеру вошелъ капитанъ Робинзонъ и лично отвелъ меня въ канцелярію начальника тюрьмы.

— Дѣло устроено, докторъ. Я уполномоченъ передать вамъ, что намъ нужны ваши услуги. Вамъ еще осталось провести въ тюрьмѣ 16 мѣсяцевъ. Хотите провести ихъ у насъ на службѣ? Я говорилъ вамъ, что у насъ есть доказательства вѣроломства вашего правительства по отношенію къ вамъ. Германія выдала васъ съ головой... Хотите убѣдиться въ этомъ?

Онъ предъявилъ мнѣ эти доказательства. Они были

настолько очевидны, что не вызывали ни малѣйшихъ сомнѣній.

Я зналъ слишкомъ много государственныхъ секретовъ Германіи и сталъ для нея черезчуръ опасенъ. Она рѣшила избавиться отъ не въ мѣру освѣдомленнаго агента и упрятать его хоть на семь лѣтъ въ тюрьму или, еще лучше, обезпечить ему семь лѣтъ принудительныхъ работъ въ Англіи.

XXIV.

Теперь мнѣ было важно, чтобы никто не зналъ о моемъ досрочномъ освобожденіи изъ тюрьмы, и чтобы въ Германіи меня считали „эдинбургскимъ узникомъ“, отбывающимъ наказаніе.

Я сказалъ объ этомъ капитану Робинзону.

— Хорошо!—согласился онъ.—Мы переведемъ васъ въ другую тюрьму, а оттуда, якобы по разстроенному здоровью, отправимъ васъ въ лазаретъ. Изъ лазарета же мы уже сумѣемъ увезти васъ такъ, что будутъ замечены всѣ слѣды.

На слѣдующее утро, въ пять часовъ, едва началъ брезжить разсвѣтъ, меня разбудилъ начальникъ тюрьмы.

Онъ вошелъ одинъ въ мою камеру и предложилъ мнѣ одѣться и слѣдовать за нимъ. Почти никто не видѣлъ, какъ мы съ нимъ покинули тюремное зданіе.

Вопреки первоначальному плану, меня даже не переводили ни въ другую тюрьму, ни въ лазаретъ, а просто-на-просто отправили въ Лондонъ.

На вокзалѣ меня и начальника тюрьмы, сопровождавшаго меня, встрѣтилъ капитанъ Робинзонъ.

Онъ выдалъ моему спутнику росписку въ томъ, что „узникъ принятъ“, и, оставшись со мной наединѣ,

передалъ мнѣ конвертъ, въ которомъ находились инструкціи и деньги.

Затѣмъ, онъ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій.

Я отправился въ отель Russel, занялъ номеръ и запершись на ключъ, вскрылъ конвертъ.

Тамъ было 10 фунтовъ стерлинговъ и записка:

„Телефонируйте завтра утромъ, въ половинѣ одиннадцатаго по номеру ****“.

На слѣдующее утро я вызвалъ по телефону указанный мнѣ номеръ. Къ аппарату подошелъ полковникъ Робинзонъ, назначившій мнѣ свиданье въ Трафальгаръ-скверѣ, въ отелѣ Морлэ. Тамъ онъ познакомилъ меня съ нѣкимъ г. Морганомъ, въ которомъ я угадалъ тайнаго агента англійской полиціи и который предложилъ мнѣ отправиться на слѣдующее утро въ сопровожденіи капитана Робинсона на улицу X., гдѣ должна состояться моя встрѣча съ однимъ изъ министровъ Великобританіи. Въ указанный часъ мы были на мѣстѣ. Намъ предложили внести наши имена въ очередной списокъ посѣтителей, ожидающихъ приѣма. Я записался подъ именемъ Трептона Снэлль. Если кому-нибудь угодно провѣрить правдивость всѣхъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ я упоминаю въ этихъ запискахъ, то это легко сдѣлать, отыскавъ въ книгѣ посѣтителей (за октябрь 1912 года) мою подпись. Догадаться же, у какого именно министра былъ я на приемѣ, не такъ трудно.

Послѣ двадцати минутъ ожиданія я былъ введенъ въ кабинетъ министра. Этотъ кабинетъ больше походилъ на библіотеку: множество книжныхъ шкафовъ и полокъ, множество книгъ, разбросанныхъ по столамъ.

Большое, массивное бюро было завалено бумагами, письмами, телеграммами.

Министръ сидѣлъ въ огромномъ креслѣ, поглощавшемъ всю его фигуру и читалъ какой-то документъ, повидимому, не обращая на меня вниманія.

Наконецъ, отложивъ документъ въ сторону, онъ предложилъ мнѣ сѣсть, а самъ, выдвинувъ ящикъ стола, досталъ какую-то новую бумагу и снова погрузился въ чтеніе.

Мнѣ показалось, что онъ читалъ мое досье.

Я использовалъ это время, чтобы хорошенько рассмотреть его.

Онъ представлялъ собой типъ настоящего англичанина, суроваго и флегматичнаго на видъ, съ выраженіемъ замкнутости, сосредоточенности и духовнаго превосходства надъ всѣмъ окружающимъ.

Мнѣ кажется, что частое пребываніе англійскихъ дипломатовъ на Востокѣ наложило на нихъ этотъ отпечатокъ.

Наконецъ, поднявъ на меня глаза, министръ произнесъ:

— Кажется, вы прекрасно освѣдомлены обо всемъ, что имѣетъ отношеніе къ германскому флоту?

— До нѣкоторой степени, сэръ.

— До какой степени?

— Мнѣ хорошо извѣстно, какими свѣдѣніями располагаетъ германскій морской штабъ.

— Эти свѣдѣнія, дѣйствительно, такъ точны и такъ подробны, какъ насъ хотятъ увѣрить?

— Я думаю, они еще точнѣе и еще подробнѣе.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ между нами продолжался обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Министръ говорилъ спокойнымъ, корректнымъ, нѣсколько холоднымъ тономъ. Я отвѣчалъ сдержанно и осторожно.

Наконецъ, министръ перешелъ къ тому вопросу,

который интересовалъ его больше другихъ, и ради котораго я, собственно, и былъ приглашенъ.

Онъ не называлъ мнѣ именъ и не указывалъ профессію того лица, о которомъ ему нужны были справки, но я догадался самъ и отвѣтилъ коротко:

— Да, онъ у насъ.

Несмотря на всю свою выдержку, министръ не смогъ скрыть легкаго волненія.

— Вы говорите это такъ увѣренно? У васъ есть доказательства?

— Вещественныхъ доказательствъ у меня нѣтъ (они были, но я не хотѣлъ давать ихъ). Однако, если принять во вниманіе, что германскій морской штабъ владѣетъ копіями нѣкоторыхъ плановъ и знаетъ такія подробности, которыми онъ располагаетъ, хотя бы о дредноутахъ „Queen Mary“ и „Ajax“, нужно допустить мысль, что эти подробности могли быть получены лишь отъ одного лица...

.
Министръ принялся перелистывать какой-то докладъ и время отъ времени прерывалъ это занятіе отрывистыми вопросами.

— Вы присутствовали однажды на тайной государственной конференціи? Это было вблизи Шлангенбада? Вы можете доказать, что вы были тамъ?

Къ этому вопросу я былъ подготовленъ и не сталъ ничего отрицать. Англійскій дипломатъ, знавшій меня еще въ Трансваалѣ, и встрѣтившійся со мной въ лѣсу Таунусъ, очевидно, разсказалъ обо мнѣ министру.

Я былъ очень заинтересованъ этимъ вопросомъ. Одно изъ двухъ: или англійскій министръ самъ не зналъ подробностей о таунусскомъ свиданіи, или онъ хотѣлъ провѣрить, насколько освѣдомленъ объ этомъ свиданіи я.

На всякій случай, я удвоилъ осторожность своихъ отвѣтовъ.

Отъ бесѣды съ англійскимъ министромъ у меня получилось одно, совершенно опредѣленное впечатлѣніе: онъ ни въ какой мѣрѣ не былъ сторонникомъ англо-германскаго союза.

У такихъ людей, какъ онъ, большую роль играютъ личныя симпатіи и антипатіи, которыя примѣшиваются даже къ политическимъ дѣламъ. На прощанье онъ задалъ мнѣ вопросъ, не являлся ли я когда-нибудь исполнителемъ личныхъ, секретныхъ порученій германскаго императора и какого характера были эти порученія, но я призналъ за благо отвѣтить на это чрезвычайно уклончиво и осторожно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моей аудіенціи у министра, капитанъ Робинзонъ передалъ мнѣ кое-какія инструкціи, и я, такимъ образомъ, впервые долженъ былъ примѣнить свои знанія и свой опытъ на пользу Англіи.

Вторая, возложенная на меня миссія потребовала моего отъѣзда въ Нью-Йоркъ, откуда я, исключительно по частнымъ соображеніямъ, подалъ великобританскому правительству мое прошеніе объ отставкѣ и прекратилъ свою дальнѣйшую службу.

Изданія состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА, для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., 27.

Пребываніе въ германскомъ плѣну и геройскій побѣгъ изъ плѣна.
Румша Цѣна 1 р.

Шпіонъ. По мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Пер. Е. Руссатъ. Ц. 1 р.

Мирные завоеватели. Маркъ Чертованъ. Повѣсть изъ жизни и дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ въ Россіи Цѣна 35 к.

„Бѣлый Генералъ“—М. Д. Скобелевъ.—Въ народныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ картинъ Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е дополненное Цѣна 40 к.

„Священный стягъ“. Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цензора Цѣна 50 к.

„Поклонъ героямъ“. Стихи Изабеллы Гриневской . . Цѣна 60 к.

„Отзвуки войны“. Сборникъ стихотвореній А. К. Съ предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотворенія М. Коношницкой: „Къ границѣ“ Цѣна 60 к.

„Впередъ смѣлѣе“. Сборникъ стихотвореній на сюжеты текущ. воен. событій Е. Хмельницкой Цѣна 50 к.

Правила почтовыхъ сношеній частныхъ лицъ съ чинами дѣйствующей арміи ранеными и больными воинами. Съ приложеніемъ примѣрныхъ адресовъ и памятныхъ листковъ . . Цѣна 10 к.

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу. Ф. Ф. Скворцовъ Цѣна 40 к.

„Зарницы войны“. Е. Руссатъ. Повѣсти, рассказы и наброски съ театра военныхъ дѣйствій Ц. 1 р. 50 к.

Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ. Голикова (Wega) . . Ц. 1 р. 25 к.

„Вторая Отечественная война, по рассказамъ ея героев“.

Новое роскошное изданіе, популярно и правдиво излагающее событія текущей освободительной борьбы противъ гермапизма, выпавшей на долю исторической защитницъ и собирательницъ славянъ, нашей великой родинѣ — Россіи.

Крайне интересный, захватывающій по своему содержанію текстъ изданія составляется по подлиннымъ рассказамъ участниковъ войны извѣстными русскими литераторами, рисунки-же исполняются лучшими петроградскими художниками и иллюстраторами по имѣющимся въ распоряженіи Комитета фотографіямъ, наброскамъ и другимъ безспорнымъ документамъ съ театра военныхъ дѣйствій. Выходить выпусками. Всего 30 вып. по предварительной подпискѣ . 7 р. 50 к.

3

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

при полученіи первыхъ выпусковъ (наложеннымъ платежомъ) 2 руб. 50 коп. за вычетомъ задатка; остальные ежемѣсячными взносами отъ 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Тоже изданіе въ роскошныхъ съ золотымъ тисненіемъ каленкоровыхъ переплетахъ (3 тома). Цѣна—9 руб., пересылка и упаковка за счетъ подписчиковъ по дѣйствительной ихъ стоимости. Задатокъ при подпискѣ не менѣе 1 руб.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА:

отпечатанныя въ краскахъ съ акварелей извѣстныхъ художниковъ пожеланія на 1916 годъ, военные виды, гимны и т. д.

Въ одну краску:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ дѣйствующей арміи фотогр. съ фронта и т. д. цѣною по 10 коп. штука.